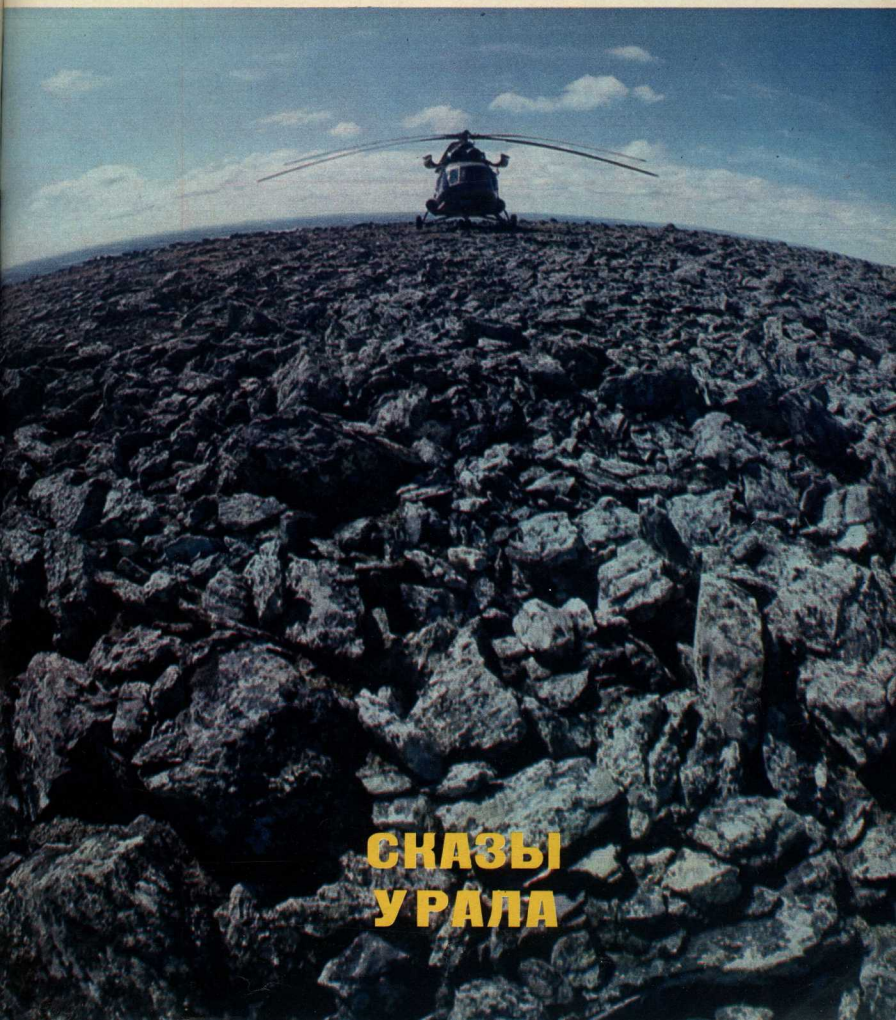




СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



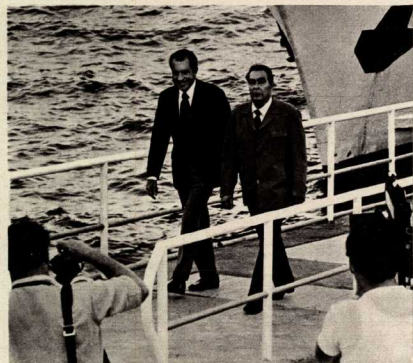
**СКАЗЫ
УРАЛА**



ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ, В АЭРОПОРТУ. Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ.

СОГЛАШЕНИЕ ПОДПИСЫВАЮТ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ И ПРЕЗИДЕНТ США РИЧАРД НИКСОН. Фото Алексея ГОСТЕВА.



С Клаусом Йотнером мы познакомились год назад, недели за две до начала Девятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Оба работали в пресс-центре фестиваля, виделись по десятку раз на день, и, конечно, знал, что и после фестиваля мы встретимся не однажды, поскольку Клаус — руководитель Московского бюро телевидения ГДР.

Так все, естественно, и получилось, и вот новые встречи, на этот раз в пресс-центре, созданном в дни визита в Советский Союз президента США Ричарда Никсона для освещения третьей советско-американской встречи на высшем уровне.

Спрашиваю Клауса, на что в первую очередь обращает он внимание в своих репортажах, и Йотнер рассказывает:

— Знаешь, мы стараемся прежде всего раскрыть глубинную суть процессов, происходящих сегодня в ми-

ре. Меняется соотношение сил, нарастает вес мировой социалистической системы, и это подотвораивает на политический климат планеты. Наши Братские страны выступают на политической арене единым фронтом, что позволяет с успехом претворять в жизнь Программу мира.

В этой Программе абсолютно точно увидены и отражены требования века, и потому она пользуется все более широкой поддержкой.

В Ялте у меня случился любопытный разговор. Я смотрел телепрограмму «Время». Подошел американец, техник одной из телекоманд. Какое-то время он смотрел на экран — шла передача, посвященная тридцатилетию освобождения Минска от фашистской оккупации, — и затем спросил меня, что показывают. Я объяснил. Американец помолчал, и потом вдруг сказал, что его тоже освободила Красная Армия. Он был пилотом, самолет его сбили, и он попал в плен, откуда и вызволили его советские солдаты...

Вывод из рассказа Клауса Йотнера, конечно же, очевиден, и всею не только бывшему американскому летчику: американский и советский народы могут и должны сотрудничать

КРЫМ. ОРЕАНДА. ПОСЛЕ ПРОГУЛКИ ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ.
Фото Юрия АБРАМОВИЧКИНА и Эдуарда ПЕСОВА (АПН).

не только в годы совместной борьбы с фашизмом.

Друственные отношения между СССР и США приобретают в процессе разрядки практическую особую значимость, ибо на самых государственных уровнях лежит повышенная ответственность за сохранение и улучшение мира на земле.

Давайте попробуем расшифровать понятие «разрядка». Давайте при этом условно ограничим только дружественными связями и отношениями Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Пожалуй, уже один лишь газетный и журнальный заголовки, собранные вместе, достаточно полно раскрывают содержание этого процесса: «Ради жизни на земле», «Торговля заметно выросла», «Экономические связи расширяются», «Разрядка — значит работа», «От разрядки — и сгрудничиваются».

Беседы в Москве и в Крыму, руководители двух стран делали акцент на том, что сблизил, а не разделил два государства. Разумеется, между СССР и США есть и сохраняются глубокие социальные различия, принципиальные идеологические разногласия, но эти различия не должны препятствовать конструктивному диалогу.

Такому диалогу, где обе стороны стараются лучше понять друг друга. «Никсон и Брежнев приближаются к соглашению о том, что каждая сторона будет иметь лишь один район противоракетной обороны — эти слова вынесены в подзаголовок репортажа, который передал из Москвы редактор газеты «Нью-Йорк таймс» Кристофер Рам, один из ведущих американских корреспондентов, освещающих эту встречу.

Журналисты, заполнявшие пресс-центр с раннего утра и до поздней ночи в первую очередь обратили внимание на договоренности двух сторон по проблемам необычайно важным для уменьшения военной опасности, укрепления мира и взаимного доверия для углубления процесса разрядки международной напряженности.

Эти соглашения особенно важны, потому что народам нужен мир. Потому что миру необходимо требует громадных расходов.

Потому что, как писал в газете «Нью-Йорк таймс» известный американский политический деятель Аверелл Гарриман, один один из сторон не должна претендовать на превосходство с точки зрения политического престижа... Со стороны Советского Союза не может быть одностороннего разоружения, и он не может согласиться на второе место в ядерной обороне. Всякий раз, когда мы беремся за новые программы, русские будут поступать так же...»

Процесс разрядки напряженности, утверждения принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем приобретает необратимый характер и потому, что распространяется на все более широкий круг областей.

Советско-американское сотрудничество строится на практической основе — страны объединяют усилия в разных сферах деятельности: в освоении космоса, в экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве, в жилищном строительстве, в энергетике, в поисках средств борьбы с болезнями сердца, в торговле.

Экономические связи расширяются, и я напомню, что в 1973 году общий объем советско-американских торговых сделок достиг миллиарда долларов, другим словом, увеличился по сравнению с 1972 годом более чем в два раза: тогда общий объем равнялся 640 миллионов долларов.

И, как не приходится в связи с этим, что когда начиналась одна из пресс-конференций, журналисты

пригласили в Министерство внешней торговли: там поднималось сразу несколько соглашений с фирмой «Оксидент петлевого горючего», возглавляемой известным промышленником Арманом Халмером.

И социализме, теплые ветры, опрелевшие в середине семидесятых политический климат на земном шаре, не всем по вкусу. Противники разрядки пытаются связать развитие экономического отношений двух стран с определенными политическими условиями, которые должны будут сделать за это Советский Союз, они мешают правительству США устроить дискриминационные тарифные ограничения в торговле с нашей страной.

Были противники и у третьей встречи в верхах. Они пытались и пытаются преуменьшить значение делового контакта руководителей двух стран. Они еще до начала переговоров стремились посеять сомнения в возможности достижения новых соглашений.

Мы говорили об этих «опасниках» скептиках и противниках разрядки с корреспондентом чехословацкой газеты «Млада фронт» Грараном.

Богумил Грар рассказывал:

— В своих репортажах я писал, что готовил третью встречу в верхах США, с одной стороны, более легко, а с другой — более трудно. Более легко потому, что на первых встречах еще только рождалась структура, атмосфера таких переговоров, сейчас же механизм контактов создан и успешно работает. Сложнее же подготовка к нынешним беседам, мне кажется, потому, что во время двух предыдущих совещаний было подписано много соглашений, касающихся всех сфер сотрудничества. Раньше уже сам формат подобной встречи становился сенсацией, теперь же контакты приобрели регулярный характер, и потому обе стороны должны углублять взаимопонимание, стремиться идти дальше. И если сейчас будут подписаны новые соглашения, а я в этом ничуть не сомневаюсь, то это означает, что процесс разрядки успешно развивается...»

Чехословацкий журналист оказался прав. Соглашения, подписанные в Москве, чрезвычайно важны.

Это признают политические деятели и люди с «узким» зрением. Это признают ученые и генералы. Это признают сторонники президента Никсона и его противники. Республиканцы и демократы.

Значение третьих переговоров руководителей СССР и США выходит, конечно же, за рамки дружественных отношений. Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм заявил, что такие встречи на высшем уровне руководителей Советского Союза и Соединенных Штатов способствуют разрядке напряженности.

Назвав результаты переговоров «конструктивными и весомыми», Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «договоренности по таким вопросам, как новое значительное ограничение системы противоракетной обороны обеих стран, согласованное ограничение подземных испытаний ядерного оружия, новые усилия, направленные на дальнейшее ограничение стратегических наступательных вооружений, и ряд других мер, — все это вместе означают существенное продвижение по назначенному нам совместно пути укрепления мира и взаимного доверия».

Встреча закончилась. Она, как подчеркнул Политбюро ЦК КПСС, под руководством Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР, стала крупным шагом в истории советско-американских отношений, позволила достичь принципиальных соглашений по важнейшим проблемам современности.

Программа мира превращается в жизнь.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 16 (1134)
АВГУСТ
1974

НАША ОБЛОЖКА
НА ПОЛИТИЧЕСКОМ
ФОТО

Геннадия КОПОСОВА
и Лью ШЕРСТЕННИКОВА

ФОТОЧЕРК
«НАМЕННЫЙ
ПОСЛ» НА СТРАНИЦАХ 12—
17.



6
СУДЬБА ДЕСЯТОГО «Б»: Начинаем цикл очерков о планах и дорогах вилкуников.

18
ТРИ ТОЧКИ НА КАРТЕ. К 30-летию со дня освобождения Румынии от фашистского ига.

20
НАХОДКА БОРИСА ЧЕТКОВА.

22
ПЕРВЫЙ ШАГ В БУДУЩЕ. К 30-летию Словацкого национального восстания.

**ЧЕХИИ
О СЕБЕ**



SMĚŘ K FAŠIZMU!
TO BOJA PROT NEJTEMNĚJŠÍM OKUPANTŮM
A NECH ŽE JEDNÁ
ARMÁDA!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ.
ОЧЕРК О НАСТАВНИКЕ ИЗ КОСТРОМЫ

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТЯ.
ПОКЛОНИСЬ СОЛДАТУ.
РЕПОРТАЖ ИЗ НОВОРОССИЙСКА

МОДЫ: ОСЕНЬ-74

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ: В. С. Абакин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. По-
беродневский, Р. И. Родженственик, Е. И. Рабичков, Г. В. Семенов,
А. П. Середя, С. С. Симаров, А. Б. Стуков [главный художник],
Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Торзибашев Технический редактор Н. И. Будкина

ДЕСАНТНИКИ

РАССКАЗЫВАЕМ О РОТНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК.
ЗАВОЕВАВШЕЙ
ПЕРЕХОДЯЩИЙ КУБОК «СМЕНЫ»



Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

Редколлегия «Смены» совместно с Политбюро Воздушно-десантных войск поведла итоги соревнования комсомольцев-десантников за кубок журнала, присужденный поборавденеию, побавшевшею не только лучших побавителей в боевой и политической подготовке, но и успехов в комсомольские организации вооруженных сил СССР призваны оказывать действительную помощь командирам, политорганизмам и партийным организациям в выполнении требований коммунистической партии и советского правительства о поддержании постоянной боевой готовности войск. Члены ВЛКСМ обязаны показывать пример высокой политической сознательности, безупречного соблюдения воинских уставов и присяги, обеспечить широкое участие молодых воинов в социалистическом соревновании за дальнейшее повышение боевой готовности, отличное знание и владение оружием, боевой техникой. — это указание XVII съезда ВЛКСМ является основополагающим при проведении этого соревнования десантников. Победителям была признана рота, где секретарем комсомольского бюро гарнизона старший сержант Александр Лудков.

Недавно на торжественном построении всего личного состава части Кубок «Смены» был вручен воинам-комсомольцам.



озде обочины, словно часовой, высились сосны-великаны, оберегая звонкую тишину корабельного бора. Где-то тут, судя по координатам, переданным по радию, должна находиться рота. Глубокой ночью накануне она была сброшена в тыл «противника». На рассвете рота, пройдя под пологом «врага», остановилась в этом лесу. Переходячу, десантники отправились дальше, на север.

— До боя в глазах всматривались в темный лес — никаких признаков живого. Николай Николаевич (полнотрапник полка) огорченно развел руками.

— Не могли же они провалиться сквозь землю! И тут внезапно справа от машины выросла фигура парня в маскировочном халате. Он решительно поднял руку, давая понять, что дальше пути «тапки» нет. Затем подошел к машине: — Пароли!

Полнотрапник отдал. Солдат согласно кивнул головой, потом приставил ко рту руку трубочкой и несколько раз прокукувал.

Из-за деревьев выгнул сержант. Узнав сопровождающего, присявнился в молодогово доложка! — Временно исполняющий обязанности старшим роты сержант Лудков.

— Знакомьтесь, — обернувшись к нам, проговорил Николай Николаевич. — Секретарь ротной комсомольской организации, лучшей в соединении. Так мы встретились с Александром Лудковым. Комсомольским жомаком он был избран несколько месяцев назад. Потом в разговоре честно признался, что секретарские заботы для него в новинку, трудностей — хоть отбавляй. За дело он взялся горячо, с охотой. Конечно, начинал он не на пустом месте: в комсомольской организации уже сложилась замечательная традиция. Но ведь старая слава новую любит. То, что вчера казалось отличным, теперь уже не могло удовлетворить десантников. Время ставило перед ним, а значит, и перед комсомольской организацией более сложные задачи. Из вновь избранных членов бюро никто не отмахивался от черновой работы. Все прован дело потрудились.

Подошел Николай Николаевич. Проткнул Лудкову начку писем:

— Раздайте солдатам.
Секретарь взглянул на письма и сказал: — Получить письмо, находись в тылу «противника!» Такое на всю жизнь запомнится.
Едва заметная тропинка привела нас к валам. Возле них солдаты чистили оружие, проверяли снаряжение, привыкал к порядку обмундирования. Увидев в руках Лудкова письма, поспешил ему навстречу.
— Сержант Жогол!

И рядом с Лудковым вырос десантник. Биография у Алексея обыкновенная — школа, работа в колхозе, армия. От родителей унаследовал золотые качества, и среди них первое — трудолюбие. Спрашивая Алексея: — Трудовой! Вот и сегодня вторую ночь без сна. Сержант улыбается: — Об этом как-то не думаешь. Конечно, служба — не мед. Но и радостей в ней много.
— Мой заместитель, — заметил Лудков. — Хорошо с ним работаете, с полусаова все понимает... — Абуархимом!

Лудков помахал конвертом. Рядом оказался кожаный, круглоязыкий солдат. Виз и зардекал. — Райкин присала! — спросил Сала. — Она, — подтвердил Абуархимов. — Давно не писала — работы было много.
— Теперь это от письма не оторвешь, — сказал Лудков. — Любюв. Вместо учился в профессионально-техническом училище, попросился на одну стройку электросварщикам. Вот только в воздушно-десантные войска не смогли одолеть поити.

С чистой совестью вернется Салават домой. Немало поинерий уже записано в послужной список этого собранного, неутомимого десантника. Два письма с благодарностями посла командир его ротделам. Абуархимовым фотографирован при развернутом знамени части.

— Паниван! — Он в разведке, — ответил кто-то.
— Уже вернулся, — поправил товарища. — Да вот он.
И около Лудкова появилось смуглоязыкий сержант. Принял у него ояко солма и без того узкого глаза, показал крошечные белые зубы, решительно изв из рук секретаря конверт.
— С киргизским приветом!
— Точно.

А минут через пять мы оказались свидетелями любобной сцены. Офицер, разговаривая на кожан карту, расширял мадшего сержанта Панивану: — Покажите, как вы продгитались.
Младший сержант быстро сориентировался в резной карте и уверенно доложка о маршруте движения.
— Какой ориентир открылся слева? — Железнодорожная будка со знаком...

Промочка капитан, пригласил младшего сержанта Сергея Беззуба.

— Покажите ваш путь, — предложил капитан.

Показал сержант и опять застыл по стоюк осматривая.

— По какому предмету на местности ориентируются?

— По железнодорожному мосту.

— Правильно, — ответила офицер. — Но это был другой мост. От заданного километрах в десятке. И все, кто находилась рядом, убились. Сергей стоял словно в воду опущенный.

— А вот Панназа — молодец, — значительно проговорил капитан, — он прошел с точностью до сотен метров.

Инцидент был исчерпан. Подразделение завалось своими делами. А Панназа подошел к Беззубу, похлопал его дружески по плечу и без тени предостережения заметал:

— Не огорчайся, Сергей. С кем не бывает? Загнать ты меня оставишь.

— Беззубые сразу же оживились:

— Непременно, Арка, обязательно.

Рассказал им об этом Лутковский. Он не удавался, воспринял зинаид как нечто само собой разумеющееся.

— Кстати, это тоже одно из важных условий ведения роты, комсомольской организации. Дружба, взаимная поддержка стала у нас законом.

— Случилось это во время ротных учений. Подразделение предстояло преодолеть «заряженную» полосу. Около десяти километров в противотанковой, противоминнометской комплексы препятств. с полной выкладкой. На плечах у каждого автомат или гранатомет, рюкзак с боеприпасами, саперная лопатка — по тридцать килограмм на брата. И никто не отстал, никто не съехался. Особенно это пришлось тем, кто тащил на себе орудие. И хотя у эфрейтора Фунтикава и радного Кости на своя ноша была не игрушечная, они, не раздумывая, подтащили плечи во орудие, когда зазвенела, что товарищи устали. А как же мы могли поступить людям, привыкшие делать все только поровну?

— Воздушный десант, которому предстояло обнаружить штаб и радиолокационную станцию «противника», был выброшен ночью. Темно, местность незнакомая, а тут еще сырая паника — ноги верзут, сильный ветер, дождь. Наша «противника». Но когда одна группа вышла к радиолокационной станции, ее ждали. Завязалась схватка. На стороне «противника» были ребята не из робкого десятка, приемами само взлезли на вышки, нападешки. И как вовремя подошла на выручку вторая группа! Смелый «противника», овладел станцией, а затем вместе и к штабу пробрался.

Знаете, — привнес Лутковский — кто это прочь упереть нас при случае: «Повелею само — народ в роте отбьют». С таким можно работать. Попробуй с вашими». Я так скажу — солдаты в роте как солдаты. Приходят к вам такие же ребята, как и к другим. Были в роте и свои «артисты». И еще какие! Сколько тревог доставлял в прошлом, например, комсомольцам радовой Е.Л. Служба его ни шатко ни валко, случались и дисциплинарные вопросы. Против него все комсомольцы поднимались. А это от какой славы! Понял верный солдат, что служить ко-как не удастся, взялся за ум. Правда, не сразу. Пришлось с ним поновиться.

— Эта комсомольская организация по праву называется передовой. Рота завоевала передовое. Красное знамя обкомполкома, кубок соединения, грамоты, вымпелы.

Новые рубежи ставят теперь концы перед собой. Такой характер у их вожаков — Саша Лутковский, Алеша Жогол, Сергей Фунтикава, Арка Панназа и многие другие — не оставались, делались больше, не боится трудностей.

В конце прошлого года, в канун нового года, праздник, на своем собрании комсомольцы приняли решение: помочь командыру сделать отличную роту роты отличившим. Нет, это не игра слов. Не надо искать в этой фразе тождества понятия. Рота отличившая — это неизмеримо более трудный труд. Замкнувшись комсомольцы на большое дело первыми в войну.

Эту мысль очень верно выразил на памятном собрании командир Вольга Азарев:

— Мы как первопроходцы. Первыми взяли за трудное дело — первыми и одолеем его. В сумерках подразделения двинулось дальше по заданному маршруту.

Шел легко, быстро, в полной темноте. Им предстояло очень напряженная ночь. Где-то на первом фланге притаился «противник». Дозором туда командир назначил Лутковского.

Сегодня мы знакомим читателей со стихами Виктора Ераценов и Анатолия Горбунова, участником состоявшегося недавно в Иркутске семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. В этом же номере публикуется рассказ иркутского прозаика Геннадия Николаева.

Виктор ЕРАЦЕНКО



Все дело в том, что брат мой проходил курс астрономии и следовало знания от школьного урока закрепить обычным визуальным наблюдением.

И было так: он, в валенках и шапке, но без пальто, стоял среди двора, глядел в учебник, а потом на небо и объявлял, где Лебедь, где Пegasus, а где Возничий. Слушала его с восторгом и выжидаем сестра, боюсь переспросить. А средний брат едва стоял на месте, но не мог шалить открыто — молча

завладался: задумчивые позы принимал и корчил рожи. Всея наггорничней, торжественнее говорил отец: во-первых, потому, что долго плавал, как бывший штурман, бывший капитан,

он знал немало неба.

А еще, как я подозреваю, потому он говорил торжественно и четко, что так и не принял к отцовской роли

и несколько абстрактно понимал свои задачи.

Рядом, на крыльце, стояла мать, как будто синкода ко всем своим большим и малым детям;

а все же протосудно увлекался и спрашивал: «Вера! Вера где! Да подскажите... Младшего братишку, обязанного шалью и шарфом, придерживала бабушка. Она была одета в черное пальто с большими воротником; во мрамор, горбась,

она молчала, только иногда шептала что-то и на нас смотрела уне издалека.

А я, — не помню, где я стоял, но что я был одет, молчал ли, говорил ли и

существовал с единственной целью: запомнить всех и как-то рассказать.



Мне снится сон:

принял голос гуляки, Тропа, маяк и одинокий граб, И между снам — как бы на дне

шатался — Под колесом злоторжиса корабль. И мог легко рукой я дотронуться До маяка, до дерева, до мачт И в рину взлететь...

Но опешел проснувшись, Боюсь невольно что-нибудь спомалть.



Однообразье, несвобода, Взор повседневности пустой — Как из-под каменного свода Одиждик вырывается с тобой, И будет тонким багес апреля, Сырые травы, дынный мох, И тыма — последняя! — тоннеля, И море — вот оно — как вздох.



И уже один вдовль моря по леску. Хотелось слыть прищичную тоску

И ощущение лупины, пыли С лица и рук. А моря вланный плусь Звучал легко. Воспоминанье, грусть —

Все постепенно волны услыши, И я исчез. Погатая снама Куд-то, мелодию, плыла —

Загадочная древняя улитка. И плавно раскрывающися вал Вдоль берега немало пробегал.

Как долгая печальная улыбка. Сияя в лицо пустынный небосклон... И вздрогнул я: с какой дилея он, Пролетавший меж изгнания

и забавная Там на границе стерлись имена, Там истреблялись в войнах племена.

Как волны, шли и гасли поколения, А я — один! Я выжила, как венок.

Стойте жинки! И двинь-двинь Нет на земле ни друга и ни брат!

Я наврания вскарбаласы изврата, Асфальт. Автобус. Чай-то резкий

смет. День кончился, пора идти обратно.

Анатолий ГОРБУНОВ

Звезда

Верил я чудесам, Гресья у печурки, Но не мать по урам Поджигала урюк.

Заглянул в огиород — бы по горло дрова... А звезда в диморде Падала, горела.

Напомнялась звезда Мюзмы и светом, Пела песин трюба И зинной и летом.

Годы выпили стать, Обменяли ремя, Хлопотливая мать Уронила век.

Ни слезы, ни следа На отаве рыжой... Но струсил звезда Над родной крышей,

Над сторонкой ноей, Ночю озаря, От недобрых людей Русь берегала.

Воробьяная

ночь

С жаху выбил засов — Газонилуся на попе! И табуи рысавок Хлынула в темное поле.

В тулунный заищак бона, За туманной горою Злобный всхрап вожака Перекрыло крылья.

Страх дальнический, пречд! Излинь из огненных красок, Воробьяная ночь, Повзрослевший подласок.

Судьба десятого «Б»

Станислав СЕРГЕВ

УЧЕНИКИ САМИ СЕБЕ

Впервые мы встретились весной 1973 года, в Москве. Они сидели за партами, из которых явно выросли. Полуутопское любопытство к вину корреспондента, невольное кокетство уживались в их взглядах с серьезной задушевностью людей, которых ожидает в жизни что-то важное, «взрослое» — самостоятельность решения, необходимость выбора. Десятиклассники, выпускники, старше в школе, они лишь по инерции отклонялись на традиционное обращение «малышки», «дочки». Киноши и девушки были озвучены своим ближайшим будущим — «на носу» выпускные экзамены, предстоящий выбор дальнейшего пути.

Наивное робкое скрывают эту застенчивость под наивной бравадой: «Надоело учиться. Скучно экзамены — отдох-и-м выдох!». Наиболее открытые с грустью оглаживают класс: здесь все свое, родное, привычное, а что там, за дверью школы? Я наблюдала их на уроках и переменах, в торжественно-праздничную минуту последнего звонка и

Статья первая. Продолжение в следующем номере.

деловито-сосредоточенные часы выпускного сочинения, в незабываемые день и ночь прощального школьного бала.

Несмотря на явные перегрузки предэкзаменационных дней, они охотно приняли журналистскую игру — отглаголили на вопросы заочного интервью. Отвечали лаконично, дома, то есть вблизи с собой, при условии «неразглашения тайны» — потому, надо полагать, открытвенно.

На основании этих ответов получились своеобразный коллективный автопортрет десятого класса «Б». Однако при всем разнообразии красок явно не хватало нюансов оттенков, объемности, стереоскопичности. Тогда-то и появился замысел: «дорисовать» этот портрет сначала с помощью учителей «моих» десятиклассников, потом — с помощью родителей. Интервью было продолжено. Вслед за учениками свои 24 вопроса получали учителя и, наконец, родители. Почему по 24 вопроса (не 20, не 30)? Случайно так, получилось. Может быть, подсознательно, потому что номер школы — 524 (пятнадцать откинули — слишком много, 24 — в уме). Но почему 524-я школа? Коллега в случайном разговоре сказал: «Любимая школа, там можно найти интересное». Для меня же



Саша АСТАФЕЕВ:
«Я не могу спокойно смотреть на ночное небо, видеть звезды, видеть историю, может быть, живут люди».



Марина БЕРЕДАНОВА:
«Пирому любви... Изумление леса предвещает городскую суму».



Саша АСТАХОВ:
«Хотя и по натуре человек воинственный и вспыльчивый, но я против драк... Мои драки являются немарным переходом и урегулированием отношений».



Леша БОНДАКОВ:
«Плохой человек — это человек, который может предать друга. Может, ошибюсь, но, по-моему, такой человек — и трус и агонист».



Лариса БАЛЫШЕВА:
«По-моему, литературу не любить просто нельзя. Хотя бы за стиха Пушкина, Есенина...»



Роза БЫРДЕТДИНОВА:
«Я мечтаю работать в своем городе».



Саша БЕЛЕВИН:
«Самыми важными качествами считаю правдивость, чувство товарищества, любовь и человеку».



Наталья ВИНГРАДОВА:
«Не хочу никому подражать. Хочу быть сама собой».

это интересное было заключено в типическом (потому и подчеркиваю случайность).

ОБЩИЕ АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ

Итак, школа № 524. Находится она на самой окраине Москвы, где сосредоточены многие заводы и предприятия. Это, как мы сейчас увидим, четко отразилось на социальном происхождении учащихся. В десятом классе «Б» — 32 ученика, в том числе 20 девушек и 12 юношей. По утверждению директора школы Иосифа Романовича Бортува, характерное соотношение для нынешних старшеклассников.

Сначала несколько общих наблюдений. На основании полученных данных можно предположить, что сегодня трехсотлетие советской городской семьи выдают так — отец, мать, двое детей (23 славяна из 32).

В основном опровержены юноши и девушки — дети рабочих. В 22 семьях и отец и мать работают на производстве. Социальный статус нашего общества в этом показателе нашел зеркальное отражение: рабочий класс был и остается главной (и по



Валера ГЕРМАНЕНО:
«Я стал разбираться во многом, научился понимать людей...»



Надя КОВРЕЖНИКИНА:
«Моя любимая литературная героиня — пушкинская Татьяна Ларина».



Рал МУРАТШИНА:
«Я научилась думать, мечтать, поняла, в чем смысл жизни».



Тани РАДНИВИЛ:
«...Хочу, чтобы мой труд приносил людям пользу и радость».



Наташа СОЛОВЬЕВА:
«Начто я пробовала помочь очкам в объединении цветов, создании новых сортов. Но что из этого вышло: и подругой geworden с цветками оранжево-красными».



Наташа ФИЛАТОВА:
«Я хотела бы учить детей справедливости, воспитывать в них хорошие личные качества».



Мена ГЛЯНЕРТ:
«В наше время считаю важными основой науки, без которой нельзя обойтись ни в одном производстве».



Волodya НРУПЧИК:
«Любимый вид спорта — мой лучший друг — я сам. За то, что могу полностью освоить».



Наташа НОВНИКОВА:
«При первой возможности я стараюсь познакомиться с шумной улицей города и на несколько часов окунуться в зеленое море леса».



Сережа РОГАЧЕВ:
«О любви: «Над этим вопросом я не задумывался. Врать не хочу»».



Мра ТАЛАТУЕВА:
«Хочу быть детским врачом. Я очень люблю детей... Хочу, чтобы дети никогда не болели, всегда были веселыми и смеялись».



Саша ХАРИТОНОВ:
«Хотел бы открыть что-нибудь новое в науке, чтобы мое открытие могло людям».



Юлия ЗАШОРНИН:
«Своего друга я ценю за доброту, отзывчивость, ум».



Иорга ХРИЛОВ:
«Любимые виды искусства — кино, Любимые фильмы — «Гамлет», «Ромео и Джульетта»».



Лариса ПАНЧЕНКО:
«На все время запретила бы войны и споры между людьми».



Лена САМОШИНА:
«Каждое свободное минутку я использую, чтобы вслушаться в гербы любимых книг».



Люда ТЕРШУКОВА:
«Лучший друг, кому я могу полностью доверить свое секреты — мама. У меня нет человека ближе».



Сережа ЧЕРНИЦЫН:
«Я очень люблю нашу русскую природу и не могу представить мир без нее, без страшной ирисавицы березки».



Вася МИГАТОВ:
«Своего друга я ценю за доброту, отзывчивость, ум».



Тани КУЗИНА:
«Своими желаниями нашей учительнице историн... Она, правда, очень строга, но это настоящий учитель».



Наташа ПОТАПИНИНА:
«Своими желаниями и честности в человеке я считаю доброту, искренность, открытость, смелость, честность и справедливость».



Нина СНОЧОВА:
«Лучше начать свой жизненный путь. Пусть мой дети его повторят».



Алла ТИМОФЕЕВА:
«Состав нашей семьи — два человека: мама и я. Мама работает старшим инженером».



Тани ЧУДИНА:
«Я очень люблю нашу русскую природу и не могу представить мир без нее, без страшной ирисавицы березки».

сути и по абсолютному большинству) производительной силой страны.

Далеко не праздным был вопрос о жилищных условиях десятиклассников. Возник он после того, как я увидела школу. Светлое пятиэтажное здание (здесь занимается 1 000 человек). Фонтан и микроскоп в фойе первого этажа. Спортивный и кинозал. Кабинеты труда, оборудованные токарными и слесарными станками. Школьный цех... Школа дает ученикам многое, но не все — ведь здесь они проводят лишь третью часть суток. Две трети — дома.

Так вот, нет ли разрыва между условиями для учебы и жилищными условиями? Как полушутливо перефразируют сами десятиклассники, «битые определяют самостоятельность». Что ж, как показала апробация, разрыва нет и самостоятельность должна быть максимальной: 31 семья живет в отдельных квартирах, лишь одна — в коммунальной (общей), но и та готовится к новоселью.

Да прожить, читатель, личное воспоминание. Я кончала школу (тоже восьмиклассник), тоже в рабочем районе) 20 лет назад. В нашем десятом классе было 28 учеников. Лишь двое жили с родителями в отдельных квартирах. У остальных семей была

комната, в лучшем случае две, в многоэтажных коммунальных квартирах.

ЧТО СТОИТ ЗА АТТЕСТАТОМ!

Задумались ли вы всецело, что такое аттестат, выдаваемый семидесятилетнему гражданину нашей страны по окончании школы?

Обществу нужны хорошие специалисты, но это должны быть люди высокой нравственной закалки, рыцари многих качеств. Безграмотный демагог и апологичный эрудит оказываются на соседних ступеняхк безопасности. Однако если уровень знаний в аттестате с относительной точностью выражен оценками по отдельным предметам, то общественная ценность молодого гражданина, оставшегося до сих пор школьным порог, зависит в этом документе, увы, необозначенной. Чувствуется эту узковязность аттестата, школа прикладывает к нему характеристичку выпускника, порой весьма беслакую. Вопросы декому «за и попробовала вспомнить этот проба в данном конкретном случае.

Итак, 30 из 32 десятиклассников — комсомо-

лы, все выполняют то или иное общественное поручение (некоторые без них, как они выразились, «жить не могут — общественные натурки»). В основном это помощники в занятиях младшим гражданам по так называемому разновозрастному отряду (РВО). 524-я школа строит воспитательную работу по принципу, рекомендованному в свое время замечательным педагогом и писателем Александром Макаренко. Ребята в РВО объединены по месту жительства: скажем, в одном отряде — соседи по подъезду в доме, человек 10—15. Старшие помогают младшим готовить уроки, проверяют их, организуют досуг. Польза занятий: старшие прививают к самостоятельности, младшие — и организаторность.

Самостоятельность в решениях — качество, уже сейчас необходимое социальным. Я спросила их: был ли в вашей жизни поступок, который подвинул вас в глазах окружающих? В основном «не было», «не знаю», «не помню». Пожалуй, в этих ответах нет руководящей скромности. Потому что те, кто «вспомнил», рассказали историю достаточно показательные.

«Наверное, когда мы с другом заступились в дежурку, к которой привязался пьяный парень».



Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ром, стоял круглый раздвижной стол, накрытый полиэтиленовой скатертью с зелеными полустертыми розами, четыре стула с матерчатыми спинками аккуратно приставлены по четырем сторонам стола. Вход в другую комнату был задержан вышитыми шторами — они покачивались, словно там кто-то ходил или неосторожно дышал на них.

Васька, шутливо прицелившись, опустил бутылку в центр стола, Игорь, покосившись на шторы, вытащил из кармана вторую бутылку и поставил ее рядом с первой.

Из кухни выглянул Макар Игнатьевич с растерянным красным лицом и замалел своими болтающимися руками — парни поняли, что им предлагают есть. Они отодвинули стулья. Хозяйка закваля горячо, одобрительно и, проборматовав что-то в шутку, странной припрыжкой, из ципочках принесла к шкафу. Набрал хорох одежды, он убежал на кухню. Наконец, после возни, какого-то стуканья и ворчанья он появился одетый по всей форме — в костюме, в белой рубашке и даме при галстуке. Вслед за ним важно вышел большой серый кот и стал тереться о ноги с хриплым, ронущим мырианием. Макар Игнатьевич строго прищипнул на ногу, словно тот был собакой, но тут же забыл про него и сел за стол, скрестив свои длинные руки на груди.

— Богатый у вас котиче, — сказал Васька, приподняв кота за передние лапы и дунов ему в морду.

— Да, кот передовой, — охотно заговорил Макар Игнатьевич. — По мшмам правя ремонт, две нормы за смену заколачивает.

Парни загогопали. Макар Игнатьевич зябло посмеялся и вдруг заметил, что из стола стоит две бутылки водки. Руж его взметнулись, он энергично почесал за ушами.

— Хо-хо-хо! Одна еще куда ни шло, но это, — он замалел перед лицом, словно отогнал комаров, — не по тезнике безопасности.

— Лодка посуху не ходит. Два весла, две руки, два глаза, две ноги, — хохотнул, протараторил Васька.

Игоря сидел красивый, неловкий, как бы оцепеневший от надобности что-то сказать, вообще заговорить. Он только снимал свои кулачницы и все не мог найти им место — то клал на стол, то прятал на колени, то вдруг совсем нелепо подпирал ими бока, принимая лихую позу добра молодца. Узкий лоб его в глубоких ирришницах был помыт потом. В поту была и нос — крупный, мажстный с горбинкой.

Макар Игнатьевич почти не глядел на Игоря и весь разговор вел с Васькой, но время от времени его острый прищуренный взгляд нет-нет да и впивался на миг в млеющего жениха.

— Татьяна! — вдруг крикнул Макар Игнатьевич и прислушался, вытянув тонкую шею.

— Чего! — глухо раздался в соседней комнате.

— Лодка посуху! — строго сказал Макар Игнатьевич.

— Ну! — Шторы заколыхались, но Танька не вышла, осталась за ними.

— Дай-ка нам закустис, — попросил Макар Игнатьевич, — капустис, огурчик, бруснички. Колбаски нарежь разной. Стаканчики не забудь. Люди пришли, не видишь!

Танька шагнула из-за штор, резко, внезапно, и прошагала вдоль стены быстрыми, мелкими шажками, как бы механически, со строгим, твердым лицом и пустыми глазами.

Макар Игнатьевич закурил. Гости тоже потянулись за папиросами. Тяжелая, томительная тишина воцарилась в комнате. Васька нацарил под столом ногу Игоря и пнул по ней. Игорь вздрогнул и, словно очнувшись от дремля, сказал:

— Позавчера в картину ходил, «Тайна фермы» какой-то. Не выдали!

— Мура. Чему вы молодежь, научим от такой картины! — Он разогнал перед собой табачный дым и снова обратился к Ваське: — А про тебя говорят, будто ты девок в будку водишь, прямо во время сеансов. — И добавил уже без всяких сомнений: — Это нехорошо.

— Вот люди! Вот люди! — изобразила искреннее возмущение, закричал Васька. — Я вожу! В будку! Во даю! Во-первых, не вожу — они сами ходят. А во-вторых, чего с ними в будке делать? Стреют, жара, иной раз дымку поддает, да и неудобства. Что, хаты нет, что ли? Я, Макар Игнатьевич, с этим делом засмеял: уже десять раз мог бы жениться и развестись, а все держусь. Вот дружка отдам, тогда и сам. Верно, Игорях!

Игорь взвесьался — хрипло, отрывисто. Вслед за ним засмеялся и Макар Игнатьевич — тоненько, елеино.

— А что? Не найдется для меня новостей? — закричал Васька, оглядываясь по сторонам, словно отсысывая того, кто смеется: «Нет, не найдется!» — Вот ты смежи, — ткнул он в Таньку, вышедшую из кухни с тарелками.

— Я тебе не справочное бюро, — отбрила его Танька. — И вообще, — она побурявала глазами отца, — неинтереснее мне эти разговоры.

— Ладно, ладно, — проворчал Макар Игнатьевич. — Сала нарежь и луку. Она принесла сало и лук, торопливо, кое-как расставляла закуски и засобиралась уходить.

— Ты куда? — спросил Макар Игнатьевич.

— К Любе, — ответила она из прихожей.

— Правильно, иди провертись.

Макар Игнатьевич разлил водку, поакуриватне разместили за столом тарелки с закусками, разложили вилки и, когда хлопнула за Танькой дверь, поднял стаканы:

— Хоть я вас и знал раньше, но все ж таки были не очень знакомые.



В детстве мне нравилось раскручивать шпильный глобус и смотреть, как, вращаясь, свивались в одно нераздельное меридианы. В какой-то миг проносились перед глазами моря и океаны, материк и далекие острова. Останки, закрыв глаза, я наугад останавливал вращение глобуса. Под пальцами лежали коринфские горы. Они нечленились у самого Ледовитого океана и продолжались

чуть ли не до Аральского моря, таясь где-то в оренбургских степях. С них склоном на запад и восток сбежали голубые реки. «Уральские горы», — разочарованно прочитал я название. Оно не обещало мне никаких таин, откровений или чудес. Они оказались близкими, почти домашними, эти старые горы. Другое дело — канал-нибуда Амазона или на худой конец Миссисипи. Их я владно-равно крутил глобус дальше.

Сколько уж лет миновало с тех пор, а все тот детский эпизод вспоминается с полновесностью и дилем. Как будто я продал за что-то Урал. Впрочем, что же такое я в нем знал тогда, кроме шпильной программы, давшей кооп-манушу лицу уму и почти не прогвашиев души? Да, пожалуй, ничего больше. Романов. Мамыно-Сибиряки.

КАМЕННЫЙ ПОЯС

Юрий ЛУШИН

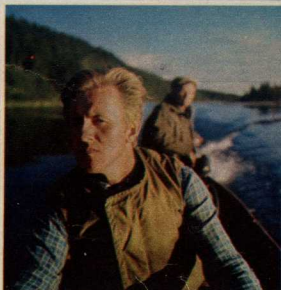
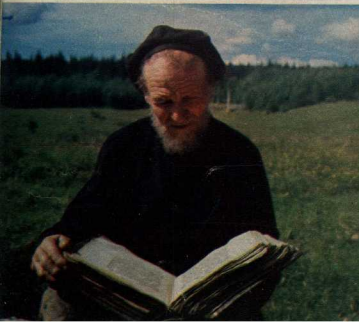
Геннадий КОПОСОВ,
Сергей ПЕТРУХИН,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)





назлы Банова и некоторые другие книги были прочтаны много позже, сотни километров уральских дорог истоплены и изъезжены только позднее. Выгорело, подтаяло и, что сейчас может казаться о нем современная молодежь, появилось ли в печати за последнее время что-нибудь захватывающее и значительное об Урале, какие-нибудь книги, заставляющие бы пересмотреть свои истинные планы, собрать рюкзаки и отправиться куда-нибудь на Чусовую, в Кунгур, или в арктические Теноры, или еще дальше — в Шугору? В библиотеках нового, к сожалению, ничего не обнаружил. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, сейчас

МОЩНАЯ ИНДУСТРИЯ — ГЛАВНАЯ ПРИМЕТА УРАЛА



выходит так много книг, что уследить за всеми новинками просто невозможно. В таком случае я был бы рад своей ошибке.

Так что же все-таки мы знаем о древних Уральских горах? Много ли знают о них сами уральцы — свердловчане, челябинцы, пермяки? К великому изумлению моему, убедиться пришлось не раз, — немного. [Впрочем, удивляйся не удивляйся, а в больших городах люди всю жизнь могут прожить в соседних подъездах одного и того же дома, но так и не познакомиться друг с другом.] Есть, конечно, люди, влюбленные в свой край, великолепно его знающие, и сча-

МАСТЕРА.

ТЯЖЕЛЫЙ ФОЛИАНТ БУДТО НЕСЕТ ГРУЗ ВЕКОВ.

НА КРАСАВИЦЕ ВШЕРЕ.

стве выпадает вам быть им получником по путешествию. Да и то сказать, велик Урал-Батюшка, не познать его с высоты до с налету, время надобно и любовь к дороге. Но кто хоть однажды побывает на его территории, тот увидит неистовую природу, вымолит хоть раз в своей жизни зарюсу в таинственной таинной реке, пройдет по Чусовой на бандиере, коснется таин Чусовой пешеходом, увидит таинственную красоты уральские знамениты, то обязательно вернется сюда снова. В последние же годы стало модно уезжать на отдых куда подальше от родных мест: на переломе цивилизации — пляжи, а то и вовсе в другие страны. Уральяты только приходится, как часто, да и в зрелом возрасте, и слыши себя вдали от дома и как долго не можем понять сырого воздуха в поговорке: «Лучше всего там, где нас нет». Не могу пожеловать на то, что мало видел: места у нас есть разные, пейзажи — красивые, неподражаемые, но такого, как горы Уральские, нет больше места в России, да и в целом свете нет. Листва по памяти страницы великой каменной книги будто вновь оживает передо мной по Уралу. Вот несколько страничек.

В конце января в рядках любительской зимнего туризма начинается брожение, все чаще повторяется магическое слово УРАЛ, и в первое февральское воскресенье многие из них, специально притянутые невидимым магнитом, вдруг оказываются на лесной поляне в нескольких десятках километров от Свердловска. Впрочем, есть и магнит — посреди поляны каменный знаменитый столб, с одной стороны которого выведено — Европа, с другой — Азия. Тут только и вспоминаешь хребтолюбивое: Уральскому хребту проходит граница между двумя континентами. Кто и когда придумал эти традиционные ежегодные слеты туристов у пограничного столба? Я, во всяком случае, знаю о нем по пятнадцати. Неподанеку от столба моментально, будто по-чуждому велению, возникает палаточный городок. Место для него выбран, кажется, само Бездомное. Шеголовые-сосны и сверкающие мантихи окружают городок со всех сторон. Деревята до разбегались по обе стороны границы, хвастая друг перед другом одеждой из атласа и куртки. Дада! Мороз, то вновь сходился в тесные группки, шушукались о чем-то своем, и тогда невозможно было разобрать, какая из сосен европеянка, а какая азиатка. Иногда между ними возникали белые полянки, на опушках которых выстраивали тонкие светлые березки в куржик, очень похожие на Снегурочки. Они валились словно на конуре красоты. Танцующие следы поутру на полянках и вели и белым призракам. Неизрочно задев один из них лажной палкой, я нарушил очарование сказки — под причудливыми снеговыми одеждами оказался обоченный куст. Проза! Верить в нее не хотелось, и я пошел осторожнее, чуть ли не затая дыхание. Снова пошел в Белую сказку. Тут и так слышалось голос, слышны следы разберлись по всему Берендееву царству — туристы соревновались в ориентировании на местности. Забавляли ли они окружающую их сказку? Оказалось, замечательно. Ночники у аэричного ностра просто исходили ахами и охами, старожилы, глядя на них, только мудро улыбались. Тут у востра стужино возник целый университет, один лектор, который заменила бы, наверное, по меньшей мере год учебы на географическом факультете вуза. За один вечер я узнал об Урале больше, чем за все годы до этого.

Летом вновь пришел на то же место. Пахло сеном и нагретой хвоей, цвели ромашки, в траве стрекотали кузнечики. Пограничный столб казался выше, на нем сидела каная-то птичка, к, переходя из Европы в Азию, я

невольно сплунул ее. Птичку мало трогали условия, придуманные людьми. Гнездо она свила на азиатской стороне, корм летала скать на европейскую. На дороге оставилась автобус. Пассажиры спорожно попрыгали на траву и принались, словно дети, перескакивая через натянную веревку из Азии в Европу и обратно. Переход дружно сфотографировали у столба и покатили дальше. «Сколько танок стобко на Урале!» — подумал я. Но ведь было время, когда сама граница между континентами проходила совсем не здесь, в долгие годы людям вообще незведано было существование Уральских гор. «Отец истории Геродот, например, проводил границу по реке Дон, потому что других земель за Доном великий грек просто не знал. В Западной Европе Урал знали в средние века под именем Повис Мира. Удивительным образом оправдал он это имя несколько веков спустя, когда Страна Советов отставала с ошесточенной сказкой с фашизмом не только свою свободу, но и мир на всей земле. Победа ковалась здесь, на Урале, и востиги он был Поссов Мира, оплотом мира. И теперь на площадях мировых ураль-

ских городов стоят на пьедесталах воню лаятионы боевые легендарные тридцатилетерники, безмерно напоинная, предостерегая, всякая уверенность.

Один я по Николаю Тагли и двину давался — до чего же щедр таинственная земля уральская! Еще в детстве все мы слышали, конечно, что в 1800 году наш соотечественник крепостной Ефим Артамонов построил перемья в мире двухколесный велосипед. В местном музее видел я эту нелепую по нынешним меркам машину с огромными передними колесом и пытался представить, как он ездил на ней через всю Матушку Россию в Петербург, а затем еще и в Москву три тысячи верст. Если и теперь мы недоваляли бывава количеством наших дорог, то тогда их, можно сказать, вообще не было. А он пролез, и это была лучшая реклама его изобретения, которое тут же... запретили, дабы лошадей не пугать. Другой самородок, тоже крепостной, Егор Кузнецов, изобрел непрерывный пружинный стан, опередив современную ему технику почти на сто лет. Смонструированные мы же музыкальные дробилки, которые находились теперь в Эрмитаже, при движении исполняли 22 мелодии, а шесть циферблатов показывали врыбденный путь в сантиметрах и верстах (чем не сантиметр?!). Талантливые гидро-техники-самоучки Климентий Ушков построили канал и целую гидротехническую систему, которые обеспечивают водой Николаю Тагли и в наш время, Федор Шелтаев изобрел выстроплат-

ную машину, Степан Козопосов-штангоу. Умельцы Ефим и Мир Черепановы, памятники которым найдется в центре города, построили в 1834 году железную дорогу и первы в России паровоз, который возил вуд с Медного рудника на Выльсий и вуд. Приятно сознавать, что и в наш время не оскудел Урал талантами. На Уралавгозаводе я познакомился с удивительным человеком старшим мастером цеха электротехники Степаном Яковлевичем Бериним, Героем Социалистического Труда. Воню старого способа втерном электронной опугеорки юричком он предложил новый тот, благодаря которому печки непрерывно работают теперь не две недели, как раньше, а в среднем в семь — десять лет без останова и холодный ремонт. Барин ездил по давая свой опыт сталеравар (ДВ Венгрии, Чехословакии. В Праге на заводе ЧХД печка номер три казалась печью чехословацко-советской друбы. Кто-то называл футуровку Берин-



кажешь, и, право, тут мало преувеличений.

Рабочие руки все могут! Кое в пороховом самуит, кое по крупничкам соберут да мяконько проглядят — вот и выйдет камень небывалой радости. Кому миру на диво. И на получение — похвал — писки об уральском мастере Павел Банков. Да, рабочие руки не могут. Когда люблю я на Красной площади рубиновыми звездами Кремля — символы страны родной, в вину Урал. Когда восхожу в Эрмитаже одним из высших достижений южнокитайского искусства — знаменитой, повисальной по размерам [площадь 35 кв. метра] картой СССР, выполненной из уральских самоцветов, я

знаю: это тоже Урал. Мощные шарошки экскаваторы на угольных разрезах — Урал. Огромные ствны с мажорой УЗТМ на доломит шахтах и зарубиных предприятях — Урал. Тысячечкилометровые ленты трубопроводов, по которым текут реки нефти и газа. — Урал. Серебристые наигрыши в небе из уральского алюминия, челябинские трактора, поднимающие целину, грузикины, которым не страшны ни бездорожье, ни широкие жуткие морозы. — все это тоже Урал. Да нет, кажется, такой вещи, которую бы не делали рабочие руки Урала.

— Сяду на берегу уютного озера, смотрю, как отражается в его водах синий неб, белые облачка-старички и гора, зарешающаяся белой олов. Уро. Тышина. Звещт птвич и шум листьев ве в счет. Они и есть та тышина, от кото-

рой мы, дети города, давно отвыкли и по которой тайно тоскуем. Кристаллами горного хрусталя сияет на маляхитовом трав росе, словно родонит-камень, радует взгляды эваланчинок, все окутано неизменной голубоватой дымкой, как будто смотрим на пейзаж свозиз радчайший, замечательной красоты самоцвет — злата [такая каминей за всю историю поименовано на Урале всего пятнадцать]. Красота, Назалось, оглянулся я сейчас и увидку саму Хозяйку Медной горы. И поманил она меня за собой, как Данилу-мастера из сказа Банова, и откроется в камне дверь тайная в подземные хоромы красоты неопустыленной... Озарение утра было столь велико, что помню своей волн я оглянулся, но ничего особенного не увидел. Сквозь белые стволы берез проступали белые ствны домов молодого города. Гора, стоявшая на другой стороне озера, дала городу свое имя — Качанар, что означает «спрытавшийся клад». Имя это обещаю какому-то тайну или легенду, и мне не терпелось скорее узнать ее.

О существовании клада люди подозревали давно, но крайней мере еще два века назад. Уме тогда ведомо было рудознатцам, что есть в густых ле-

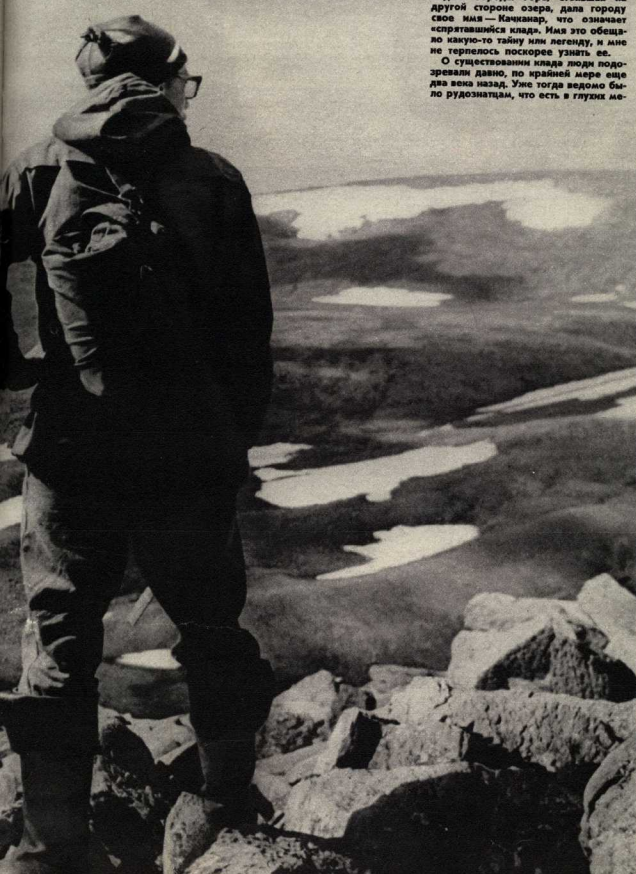
стах Урала гора, которая притягивает к себе сапоги кованые, шаг ступает не дает их обладателю. Сменяли тут что к чему, искать начали и вскоре обнаруженными вылезли руды. Обрадовались, конечно, штомим в глбь горы быть тайн. Но вот чудом: чем глубже копают, тем суднее жемчуга, а потоки и вовсе никакого следа от нее. Когда Козьма Горин поест над ним. Скольким ни пытали счастья, скольким ни бились, результат все один. И отсутствием тогда от странной горы люди задумали на нее рудой, ушли на многие десятилетия из этих мест...

Вероятно, Банову известна была эта история, поскольку Урганев ее видит во многих его сказах. Впрочем, почти всякое место на Урале овеяно легендами... Хозяйка горы открыла доверию только советским геологам, хотя и им спрятанное ее место не сразу далося в руки. Видно, испытать она хотела, что за люди тут снова появились, навая корысть их ведет, но, увидев рудение для блага Родины, симпатизировала, сылая с вклада знания и старания.

В начале 40-х годов геологи провели в этих местах тщательную магнитометрическую съемку, и обнаружилось удивительное: не на лодном сама гора Качанар, но и окрестные сопки оказались полнехоним железной рудой. Она, правда, оказалась не столь богатой по содержанию [всего-навсего до 17 процентов железа] и требовала обогащения, зато сыпала фантастические. И тогда вырос здесь город, который на многие карты пока еще и не нанесен. Видно, отстает в наше время география от жизни.

День разгорался. Утро неумолимо унывало в прошлое. Оно никогда уже не повторится. Будут миллионы и миллиарды других утр, но такого уже не будет. Я знаю, оно оставит во мне некую тайную мелодию, которая будет жить в душе долго, долго, может быть, всю жизнь. Я осямтрелся вокруг. В анре ничего вроде не изменилось. Так же стояли сосны, третельная лиственной березки, то же небо опринулось над озером. Только явственнее стал аромат трав, солнце извергло, высушило росу. Пришел день, утро. Ничего не изменилось, так было и так будет всегда, но живет во мне с тех пор волшебная мелодия красоты уральской. А всегда ли, скажете, замечать мы неопортимые в природе, часто ли встречаемся, стязаюса с себя мелкие заботы, с красотой родной земли не по картинкам художников, а вот так — лицом к лицу? Наверное, можно бы и чаще.

Я поднялся с камня, на котором сидел. В ярком свете дня гора, казалась мне, уменьшилась в размерах. Трудно было удержаться от соблазна и не забраться на вершину Качанара. Я сел в лодку и поплыл через озеро к горе. Судьба ее предопределена, философствовал я по пути, люди забурют ее по кусочкам. Со временем она совсем исчезнет с лица земли, превратившись в неисчислимое количество полезных вещей — машины, иржущий, станки, гвозди, может быть, даже в наемно-детали космических кораблей. Только хочется верить, что клады Качанара избекут участи других железных гор и не превратятся в пух... Лодка подошла к Банову, и Качанар на глазах увеличился в размерах. У подножия его я не мог уже охватить всю гору одним взглядом. Она оказалась больше, чем очиндилось вначале, и на вершину я поднялся уже после полудня. Далеко внизу на карьерах горно-обогатительного комбината двигались иржущие машины и сковажи по рельсам, там же тепловозы с рудой. Истинные их размеры угадывались издали лишь по привычке. На юг и на север, насколько хватал взгляд, до самого го-



ризонта тонулись мягких, сплавленных очертаний ураль, гряды и вершины Уральских гор. Там, вдаль, они тонули в синей дымке. Кто знает, какие еще клады прятут горы от глаз наших, какие тайны обещают!

...Вот уже третий час крутит винтами наш МИ-4, отрывая горизонт за горизонтом, и за каждым из них все то же зеленое море тайги. За это время мы пролетели за пределы доков — то ли поселок геологов, то ли лесной кордон, да один раз спустились медведя, с невероятной быстротой помчавшегося через поляну от тени вертолета. Еду, вероятно, показалось, что тарараит и ревет именно она — тень. Летим низко, хорошо видны даже отдельные деревья. Где-то здесь, на Северном Урале, сплывав из ручейков, начинается великая северная река Печора. Туда мы и летим. Тут нет других дорог, кроме воздушных, да горных троп, известных немногим. В старые времена рассказывают, Белых каторжников в этих местах даже не искали. Пустое дело. Человек угодил в тайгу и пропадал в ней навечно, растворялся в диком безлюдье, слово его никогда не существовало.

Вертолет садится наконец на какую-то плевшиную сопку. Плоская вершина ее уставлена огромными каменными идолами, при первом взгляде на которые охватывает только одно чувство — растерянность. Из какой-то тоненькой, как бы ненадежной нитки,

вросшей в землю, идола, постепенно углощась к вершине, достигают высоты многоэтажного дома. Сперва начала и ним даже страшно подходить. Так и кажется, что сейчас подломятся эта нитка и они таяко гравит оземь, распавшись на куски. Однако, подойдя ближе к одному из них, я нашел, что опеснения мои напрасны — нитка не такая уж хлипкая. Каменные исполины выскли, протяну низкое небо головами, словно бессмысленная стража седого Урала. Но кто приказал им тут стоять! Отчего и них столь суровый облик! Как они сумели забраться на это голое, неуютное плато! Зачем и когда! Геологи, с которыми я сюда прилетел, побросав рюкзаки, не утерпели, азартно бросились с молотками на приступ великанов. Рядом с ними люди казались муравьями, но сейчас именно муравьи были хозяевами положения. Минут через десять геологи вернулись, небрежно бросили куски породы на траву.

— Калужки эти несут тут страну примерно шестьсот миллионов лет, — сказал один.

— Их назвали вечные архитекторы природы — ветер, дождь, мороз и солнце, — добавил другой.

— Они же и свергнут их с пьедесталов лет через сто или немного больше, — словно судья приговор, произнес третий.

Жаль, подумая я, без них тут совсем голо станет, скрытно. А может

быть, геологи откроют здесь что-нибудь и жизнь забьет ключом! Варнацен на эту тему составляют предмет нашего разговора у вечернего костра. Вкусно булькает уха из хариуса, закипает чай.

Догорает костер. Рассклевем спальные мешки прямо на прошлогодние ягды черники и заросли карликовой березки. Свистит ветер в расщелинах камней, и, кроме его свиста, никаких звуков. Безучастно смотрят на нас каменные исполины. На сотни километров вокруг них жилья, ни человеческого тепла. И так до самой Воркуты.

Воркута вспоминается почему-то солнечной ночью. Есть что-то фантастическое, даже пугающее в зальных солнцем и абсолютно безлюдных улицах. Полярная ночь. В мертвой тишине идешь среди ярко освещенных домов, и они кажутся макетами. Вдруг выходишь на пустырь и застаешь в самом разгаре футбольный матч. Счет невероятный — 13:11, но стороны договорились играть до двадцати. Мелость поболее, снова уходил в пустыню солнечных улиц. Первый час ночи. У искусственного городского пруда, обрамленного бетонным парапе-

УРАЛЬСКИЕ ВЕРСТЫ.

ГОРНОЕ ЧУДО — КУНГУРСКАЯ ЛЕДЯНАЯ ПЕЩЕРА.





том, ни души. Смотрится в зеркало воды антенна «Орбита», окруженная хороводом зеленеющих на — единственных деревьев, способных выжить в здешнем климате. Имя выкапывают в тундре, привозят сюда и высаживают. Жить остается примерно одна из сотни. Но вот уже и тропинки натоптаны между деревьями, ив в настоящем лесу, и даже грибам вроде пахнет. Наверное, дерево тут вырастить не легче, чем добыть и доставить на-гора швелон знаменитого воркутинского угля. Может быть, и преувеличиваю, но мне кажется, что дело это так же важно, как театры, плавательные бассейны, теплицы, свежие огурцы в любое время года, великопеленые магазины, полный комфорт в

ОДИН ИЗ ПАМЯТНИКОВ В СТЕПЯХ ОРЕНБУРЖЬЯ.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ КАМЕНЬ — МАЛАХИТ.

квартирах. Все это есть в современной Воркуте, есть и первая зеленая роща. А в свое время, когда Воркута только начинала строиться, камня только страхом не было. Говорили, что вечная мерзлота поглотит все дома, что радиосвязь из-за полной непроходимости радиоволн налаживать бесполезно, что из-за сплошных воздушных ям самолеты в здешних местах летать не смогут. Вздор, конечно, хотя иоров у матушки-природы в здешних местах уж какой суровый. Ветры — ураганные, морозы — трескучие, мерзлота — вечная. Нелегко было людям, однако характер уральский все преодолел.

Стою на горе Минисей, у самого начала Уральского хребта. Создатель ничем особым не отметил это место. Холодные каменные глыбы навалены как поало — природе тут, видно, не до эстетики. С южной стороны свозь камень пробивается и солнышко навсего чахлая растительность, с северной — великаньями лопатами мороженого лежат нестывший снег. Наверное, он не растает до будущей

зимы. Вдали, за Константиновым Камнем, почти на горизонте мерцает зеленоватая-белая отчетливая полоса — лед. Там уже начинается побережье Педового озера. Даже не верится, что стою у самых истоков великой каменной реки — Урала, протянувшегося отсюда на две тысячи километров до самых казасских степей. Здесь, на холодном Минисей, отчетливо понимаешь, как они все-таки велики, эти старые горы, как много в них еще непознанного. Тут лето пока и не начиналось, а у южных границ Урала люди готовят уже комбайны к близкой жатке. Как охватить взором эту необъятность!

Урал! Опорный край дернава,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец...

Урал! Ты не знавал еще последнего своего слова, да и будет ли оно когда-нибудь сказано! Ты беспредель, Урал, знаю: грядущая твоя слава еще там, за горизонтом.

К 30-летию освобождения Румынии от фашистского ига

Станислав ПЕТУХОВ

рот Дунай обрушивал в секунду 630 железнодорожных дригтер 1500, причем гнал ее по воротам с переполненными в тридцать тысяч метров!

Буджен Геалре, один из молодых рабочих строий, с которым я познакомился, когда он с друзьями жил еще в палатках-временках, сказал: — Потерялись с названием... Именно сейчас-то мы и начали воздвигать на реке настоящие ворота из железа и бетона. Ворота, которые будут обрывать более двух миллионов лошадиных сил водного напора.

В те дни их было несколько сот — первых смельчаков-энтузиастов, юности и девушки в спецовках, приваленных сюда со всех краев румынии. Потом рабочий поселок гидростроителей стал стаей, как грибы после дождя. И вскоре радмы дешевой комсомольской организации начали исчисляться тысячами.

Надвигать миллиарды киловатт-часов. 116 тысяч корабей под всеми флагами мира уже промчал по шлюзам нового комплекса.

На семи холмах у дельты

С каменной горой, подступившей вплотную к улице, город Туача виден весь, как палуба судна с капитанского мостика. Правомыслие сравнение подчеркивает мучену реку, которая лезет и катит свои волны вниз, вдоль кварталов селений и привольных песчаных отелей. Ветер доносит сюда, на вершину, несомые всеми перелачки катеров и чиев, знавая свежий ритм и тростниковых зарослей.

Город уютно расположился на семи невысоких холмах, вблизи того места, где единый поток великой реки дробится на три самостоятельные рукава. Прежде чем поместить в широкие

серые коруна огромного промышленного хоолодильника. К его шпилькам прихотит суда, груженные морской, охладительной и дунайской рыбой.

— Все это еще недавно не было, что называется, ни в калаше, ни в камне...— продолжает рассказ наш собеседник.— Всеобщий гордоство является рабобомбинат, где, кстати, средний возраст работниц—двадцать лет. Ежедневно здесь солят, коптят, консервируют, превращают в полуфабрикаты десятки тонн рыбы. Предприятие построено в годы первых пятилеток, и с тех пор его мощност увеличилась почти в десять раз. Большая часть продукции идет на экспорт. Оборудование систематически обновляется. Часть его закупают из Германской Демократической Республики.

— Коллектив на комбинате спявший, опытный,— говорит секретарь.— Молодежь развивается на такти про-

Что теперь назвать главным, самым впечатляющим в этой истории рудового героизма!

Победы над морозами и бездорожьем в зимы!

Миллионы кубов железобетона, уложенные теми, кто учился это делать еще на строительстве электростанции Билкава и Ардеша и кто потом переносил тут свои же собственные рекорды в два, три, четыре раза!

Переселение старинной Опины со дна большего «моря», где теперь плещутся синеватые воды, шаргуются корабли и вагонуны кривачей! — Мажет быть, для репортажного блокнота важнее диффы, показывающие удивительную трудовую самоотверженность ставшей знаменитой молодежной бригады крановщиков из Молдовы! Ведь это про них сложился дружок песню, рассказывающую о дуэлях, переделывающих Дунай, и о дуэлях, переделывающем людях...

Что ж, после того, как промчал годы с тех памятных истерик, мне теперь, пожалуй, кажутся особенно значительными два факта, две даты: 21 июля 1978 года, когда в теле румынской станции завертелась лампочка первого турбоагрегата на 330 тысяч киловатт, сделанного в Ленинграде, и солнечный майский день 1972 года, когда на ГЭС оживилась последняя, шестая по счету турбина, уже созданный румынскими инженерами и рабочими при техническом содействии советских специалистов. Эти даты—как веки в летописи умирного, полного влдохновения труда многонациональной армии добровольцев, для которых мечты и мысли о социализме воплотились в контурах белого колоса на Дунае. Вдумайтесь в масштабы диффы: это десять румынских заводов всех отраслей участвовали вместе с ними в создании и сооружении гидроэнергетического и судохолодного комплекса «Железные Ворота», причем девяносто три один из них до вчерашней власти вообще в стране не существовало.

А недавно крупнейшая румынская ГЭС отраздвоила духомство со дня своего рождения. За этот срок она дала национальную энергосистеме пят-

объекты моря, они развиваются, плещут неупорядоченную уютную проток и озер, о которых с одинаковым восхищением говорят ученые-биологи и земледельцы-туристы.

Вокруг Туачи—просторы лесов, пойма, где в гигантских зарослях тростника живет по своим законам мир диких уток, лебедей и цапель и рай. Кажется, время здесь остановилось.

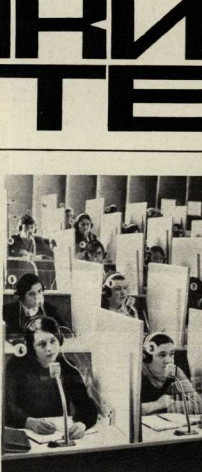
Но новая жизнь власти вторгается и в район Дунайской дельты. В рекордные сроки город увеличивает свое население вдвое, а промышленный потенциал—во много раз.

Первый секретарь Туачинского комитета комсомола Александр Рязу рассказывает о больших планах индустриального развития Туачи и устья в предстоящие годы, о замечательных делах молодых строителей района дельты. Плены эти уже во многом воплощаются в жизнь, они отырали первые городские перспективу стая в ряд важных промышленных центров страны.

Мы видели убедительные картины обновления. На окраине Туачи, за абриком тумана, в лагунных Аоины Табра недавно выросла база современного газопровода, второго в республике. Побывали мы с комсомольцами вожаким города и на строительстве завода ферросплавов, что встает по соседству с газопроводом.

Главная улица города проходит вдоль Дунайских причалов, где сейчас вступают в строй четыре порта, в том числе торгтовый, способный пропускать 1,4 миллиона тонн промышленных грузов в год. Порт начинается недалеко от светлой громады многоэтажного иестинного «Дельты». За белокрылыми корпусами нового жилого квартала виднеются колонны монументальной здания Дворца культуры.

Чуть далее—только что освобожденный от строительных лесов центральный городской плацдарм. На ней размещается административный центр Туачи и универсальный торговый комплекс. По вечерам на площади—наши и лесалые «дольщики гулянья, это место встреч моряков с друзьями и избранными серда. В конце проспекта возмываются спелые



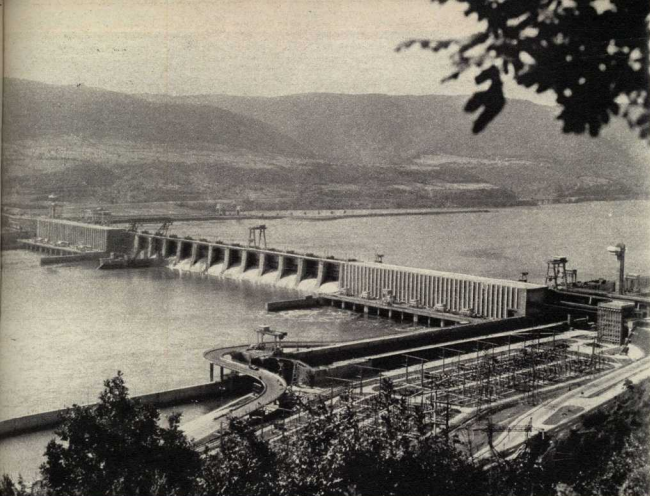
УРОК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЛИЦЕ ГОРОДА АЛБА-ЮЛИЯ.

сваленных переделовок производств, как мастер дела первичной обработки. Герой Социалистического Труда коммунистка Мария Стрмбиун. В цехе каждая вторая девушка—еже ученица.

— А справится ли рыбака с такой перспективой роста!—спросил я в тот день секретаря городского комитета партии Шербуну Васкае, человек исключительно энергичного и авторитетного, несмотря на его молодость: В двадцать еще нет тридцати пяти лет.

— С двадцати пор все разбоксозыство в Дунайской дельте встало на строго научную основу,— был ответ.

Решением правительства республики создано специальное объединение «Дельта Дуная». Теперь здесь в одном центре сосредоточено руководство эксплуатацией, изучением и комплексным развитием природных



ТАК ВЫГЛЯДИТ ГЭС «ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА».

НА ШАРИКОПОДШИПНИКОВОМ ЗАВОДЕ В БРАШОВЕ.

богатств района. При объединении начал работать научно-исследовательский институт. «Дельта Дуная» решает проблемы разведения и отлова рыбы, промышленной заготовки трескина, здесь изучается возможность развития на островах сельскохозяйственного производства, лесовосады, организация массового туризма. В хозяйствах объединения трудятся много молодых энтузиастов — рабочих, ученых, строителей.

— Когда над Уачей опускается безоблачный вечер и в высоком небе вспыхивают по-летнему теплые звезды, с верхних этажей новых домов города можно увидеть далеко-далеко за Дунаем немигающие золотых огней. Это виден советский город Измаил, с которым Туачу много лет связывают узы дружбы, Аружбы и добрососедства. Рыбаки и моряки, спортсмены и деятели культуры, партийные активисты и комсомольцы породнившихся городов ездят друг к другу в гости, обмениваются опытом.

«Дунай соединяет наши сердца, наши надежды», — говорит в Туачу.

Вдоль шоссе Цуцория

С Ионом Котеч, приветаемым и славохотливым парнем, электриком Искского комбината пластмасс, мы случайно познакомились в поезде. До Исс оставался еще добрый час пути, и молодой рабочий успевал поведать мне о том, как сложилась его трудовая судьба.

Недавно Ион возвратился из армии. Отдохнул немного у родителей, помог старикам навести порядок на «вспрусалоде», навестил родных и друзей. А через несколько дней, ранним солнечным утром набросав на плечи отгулянный пиджак, достал собранные с вечера документы и отправился на шоссе Цуцория.

Есть такая широкая асфальтированная улица в Иссах, ведущая к приходу Татарани. Длинноватая улица-шоссе, где по обе стороны на много километров расстланы фасады и ограды всевозможных промышленных предприятий, построенных в последние десятилетия.

У клатки, трикотажной и шелко-

вой фабрик Ион даже сигареты изюра не вытаскил: «Такое дело больше сподручить деверчатам». С несравненным любопытством разглядывал на нем приземистые неки предприятия мебельщиков и трикотажники конструкторский металлургического завода, долго всматривался в тяжелое ухажив агрегатов «Машиноремонт», любовался готовыми стенами для будущих квартир, собранными на домостроительном. Но не останавливался, пошел дальше.

У насобфабрики — этого «ветерана» новой промышленной платформы Исс — Ион разговорился с комедантом проходной. Комедант михал ухажив в разные стороны и с уверенностью профессионального гида расказывал южнее в гимнастерке о том, что еще с десятка лет назад «стут был один только мертвые соломахи».

— Ни во-он тех жилых кварталов не было, ни этой трамвайной линии, ни города комбината синтетического волокна, уж не говоря во-он про тот «Технотон», — страстно убеждал хозяин проходной нового закономого, словно было, что ему не поверит.

О «Технотоне» Ион Котеч был наслышан и раньше. Он знал, что здесь строится крупный завод радионормированного, установок промышленного телевидения и оборудования производства радиодиагностики. На строящемся предприятии уже сейчас обучаются профессиям сборщиков электронной техники несколько сот молодых рабочих. Первые выпускники курсов, сказали Иону, весной начали практику на конвейерах вступивших в строй цехов. Ион от Дуни восхитился: завод, который отыщет свое официальное рождение только предстоящей осенью, уже поставил народному хозяйству республика тысячи различных радио- и телеаппаратов!

Весьма бы хотелось остановить на «Технотоне» свой выбор, но парень и здесь воздержался — еще не проше-

исо Цуцория, не познакомился со всеми предприятиями, составившими предмет гордости всех жителей.

Уже кончался рабочий день и автобусы начали развозить народ с утренней смены, когда Ион позвонил от порога «Пластыкса» в отдел кадров.

— Вы, кажется, набираете уеников на курсы электриков?

Несколько дней спустя уенишка электрика Иона Котеч пригласил к себе в кабинет секретаря партийного комитета комбината Марча Георгия. Встрети крепким рукопожатием, усиди радом. Расспросил о жите-былье, родителех, где и как работал раньше, о мечтах и планах. Сказал, что Нову отделом кадров выписана личная карточка работника комбината за номером 10 000.

— Я ему ответил тогда, что мечтано стать опытным электротехником и потому хочу поступить в вечернюю школу без отрыва от производства, — закончив свой рассказ мой попутчик во вагону. — И что хочу по-настоящему служить аесской большой дельме... Кстати, меня теперь все на комбинате зовут «товарищ Десят тысяч». Да же на комсомольских собраниях. И коммунист Мирча Георгия сказал, что это ко многому обязывает.

Десятитысячный пародовый номер личной карточки рабочего одного из шестидеяти новых промышленных предприятий Исс — одного из тех, что этого факта достаточно, чтобы реально представить себе темпы индустриального развития города, «звезды первой величины» в республике, как теперь называют его статистики.

За дни, проведенные в этом гостеприимном городе, центре высокой и разнообразной культуры, я занемало делалось любопытных деталей о его прошлом. Сотни лет назад на сених так называемых ремесленно-промышленных предприятиях Исс (производство мыла, стеариновых свечей и пудры, красящих и тому подобной) работало всего... 57 человек. «Этот блестящий когда-то город», — какписывал автор вышедшей здесь в 1936 году энциклопедии, — сегодня необратимо приходит в упадок... В то время во Иссском уезде было не больше пяти тысяч промышленных рабочих.

А еще в записной книжке появились и такие заметки.

Пянешней весной на заземном металлургическом заводе вступила в строй новая высокоавтоматизированная технологическая линия по производству труб большого диаметра. Комбинат синтетического волокна досрочно освоил дополнительные мощности, позволяющие дать в год десят тысяч тонн невяного сырья для производства оборотной текстильной шерсти. Другим языком, это новые «миллионы овец».

Мельбашники города осваивают сто тридцать первую модель мебели. Вот уже много лет аесские гарнитуры поставляются в Советский Союз и еще в полтора десятка стран...

Последнюю запись я взял из местной газеты, где она с полям основательного, как писали в ту пору, шрифтом: в 1975 году город Исс достиг республике столько промышленной продукции, сколько произвела ее в стоивомости выражении вся страна в период трех лет до года.

Одни город сегодня — как целая страна вверх. Вряд ли нужны никакие таблицы другие сравнения и цифры, чтобы реально, осознанно представить себе достижения и успехи в развитии достижений, тех славных свершений в социалистическом строительстве, с которыми братья румынский народ подошел к столетнему юбилею в своей истории — тридцати лет со дня освобождения страны от фашистского ига.



Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Альберт ЛЕХМУС [фото]

ПОСМЯНАЯ

Ровде чем стать главным художником стекольного завода в Большой Вишере, Борис Четков перепробовал едва ли не все области прикладного искусства. Тянь и дерево, металл и керамика, фарфор и камень. Борис долго искал свой материал. Им оказалось стекло. Его текучесть, способность принимать любую форму, прозрачность и одновременно сильная и сочная цвет — все это дарит художнику возможность для самых смелых экспериментов. Но и это не все. Стекло можно резать, гравировать, выдувать, травить, гравировать, сплести с керамикой, писать по нему мягкой кистью и рисовать вобидовым карандашом. Конечно, все эти свойства деревянного материала открыты не сегодня. Еще Ломоносов

дал ему блистательную поэтическую характеристику:

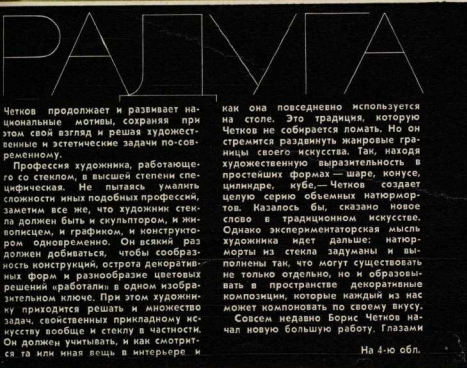
«Пою перед тобой в восторге похвалу
не мамним дорогим, не золоту,
но стеклу!»

Борис Четков считает, что перед современным художником-прикладником ничуть не меньше неразгаданных тайн, чем это было несколько веков назад, «а путей для их раскрытия», — говорит Борис, — столько же, сколько мыслящих художников». Свои убеждения Четков подтверждает повседневной практикой. Вот один пример. Мастера самых различных эпох и стилей бесчисленное число раз создавали такой сосуд, как графин. Менялись его формы, декоративное оформление, но всегда ось сосуда была перпендикулярна горизонтальной плоскости стола. Борис Четков на-

шел новое решение: точно рассчитав соотношение объема и веса, он смело раскоп форму по диагонали и «завалил» графин наподобие Пизанской башни. Художественный эффект оказался столь неожиданным, что эта, казалось бы, простая ассоциация со знаменитой башней пришла потом, когда вещь была готова, тиражирована в нескольких экземплярах и показана на выставке.

Борис Четков не пытается подражать старым русским художникам, точно следуя их испытанным способам работы со стеклом. Фольклорные мотивы, сюжеты и образы русских сказок находят в его творчестве своеобразное выражение. Фантастические петушки-баранушки, иурочки-баранчики, затейливые и трогательно скрученные как создания народного воображения, однако вовсе не напоминают наивные стилизации спод старину.





Четков продолжает и развивает национальные мотивы, сохраняя при этом свой взгляд и решая художественные и эстетические задачи по-современному.

Профессия художника, работающего со стеклом, в высшей степени специфическая. Не пытаясь ужалить сложности иных подобных профессий, заметим все же, что художник-стекло должен быть и скульптором, и живописцем, и графиком, и конструктором одновременно. Он всякий раз должен добиваться, чтобы соразмерность конструкций, острота декоративных форм и разнообразие цветовых решений работали в одном изобразительном ключе. При этом художнику приходится решать и множество задач, свойственных прикладному искусству вообще и стеклу в частности. Он должен учитывать, и как смотрится та или иная вещь в интерьере, и

как она повседневно используется на столе. Это традиция, которую Четков не собирается ломать. Но он стремится раздвинуть жанровые границы своего искусства. Так, исходя художественную выразительность в простейших формах — шаре, конусе, цилиндре, кубе, — Четков создает целую серию объемных натюрмортов. Кажется бы, сказано новое слово в традиционном искусстве. Однако экспериментаторская мысль художника идет дальше: натюрморты из стекла задуманы и выполнены так, что могут существовать не только отдельно, но и образовывать в пространстве декоративные композиции, которые каждый из нас может компоновать по своему вкусу.

С совсем недавно Борис Четков начал новую большую работу. Глазами

На 4-ю обл.

Спартак КУЛИКОВ

В лесу

Круги на срезах пней — круги планеты.

И ландыш бело
напрягает очи,
старается постычь свое смещение
от центра
насекомых
и трав.
Но в мире беспредельного предела
ложа
не существует полюсов.
Тогда бы
ветер
вылет остановился
и стал вертикальным все года.
Закат один и тот же для вселенной,
и просеки
чуть
ширятся
во мгле.

Тяжесть пустоты

Любая из планет имеет скорость
лишь своей вселенной.
Пусть наши знания — ложь,
но слова в яростном желании мысли
достоверной
свой разум в бездны шлешь.
И начинаешь верить, что века
вселемного тяготенья
есть Тяжесть Пустоты.
Среди пространств в наклоне держат
звезды на земле — растения,
а в глубях недр — планеты.

Фигурка

Я в письменном столе дерну уродца:
фигурку из коряжного сука,
оттуда у природы-то берется
такой гнетущий хохот и тоска!

Наверно, тень ольхи так долго терлась
о свет забытых звезд, о крики сов,
что превратилась в одурную герцога,
в ненужный для безумных ход часов.

А если некуда мне будет деться
от горестного полубагря,
неужто सदестерю из сушьи сердца
морщинистое зло бытня!

И кто-то сунет в стол мои столетья,
фигурку из древесной кутурямы,
и не смогу себя преодолеть я,
избить коряжние князьяны тьмы.



Несется тишина
цветов и тени,
а мне оставшая
замену
огня,
я слушаю мелодии растений,
звучанье пламени
в лигновыих
днях.
И мерное движенье
подознать
всегда
ведь тайна смерти
есть распад
дымья
на ритмы звезд,
восходов
и корней.

Тибор ЛУКАЧ (газета «Смена», Братислава)

Документы и воспоминания

Значение Словацкого национального восстания было огромно. С точки зрения военной операции нарушили коммуникации в тылу врага и в течение двух месяцев связывало несколько хорошо вооруженных немецких дивизий, которые не могли быть переброшены на другие фронты. Когда в результате перевеса противника в южной силе и технике восстание было подавлено, патриоты разбегались на партизанские группы и ушли в горы. Словацкие партизаны своей борьбой подготовили и ускорили наступление польско-русской Красной Армии и способствовали, своим образом, освобождению Словакии и всей республики. С точки зрения политической восстание было выражением вековой мечты словаков о свободе, демократическом строе и преобладании народного духа... Оно недвусмысленно высказалось за единство и братство чехов и словаков, за идею единого чехословацкого государства.

Генерал армии Людвик СВОБОДА,
Президент ЧССР

Условия для непосредственной подготовки всенародного выступления складывались начиная с 1942 года. В Советской Армии, которая знаменовала перелом в ходе антифашистской борьбы, углубляя внутренний кризис клерикально-фашистского государства и активизируя даже некоммунистические элементы, участвовали в этой борьбе. Все более частыми становились переходы словацких солдат к советским партизанам: например в октябре 1943 года под Мелитополем на сторону Красной Армии перешло около 2 800 солдат 1-й пехотной дивизии. После того как нагнеталась сеть коммунистической партии вновь была налажена, необходимо было создать единый антифашистский фронт внутри страны. В результате переговоров Г. Гуски и Л. Новомеского с левыми социал-демократами и представителями так называемого гражданского сопротивления (Я. Урсини) осенью 1943 года возник Словацкий национальный совет, ставший центральным органом словацкого Сопротивления.

Во время подготовки и в ходе восстания большую роль играло доверие к Советскому Союзу и Красной Армии. Военная, политическая и моральная поддержка со стороны Советского Союза была решающим фактором, позволявшим словацкому народу в течение двух месяцев продвигаться в открытую борьбу с превосходящими гитлеровскими полчищами. Этот факт оознал в Словакии каждый, особенно на ее освобожденной территории, что прямо влияло на политическую обстановку. Любовь ко всему советскому достигла небывалой силы.

Г. ГУСКАЧ,
Генеральный секретарь ЦК КПЧ

— Что это вы здесь делаете, приятель? — зарге- ман Чос из темноты.
Я вытупился в ступину. Сон моментально проше- л из призрака раздалась махнувши. Я знал одного солдат. Он в красное радио, он знает измененном родине.
Человек вытупился из темноты, и я узнал его. Это был надпоручник Людовик Кунурелли. Я прило- жил руку и измырну:

— Пан надпоручник, рядовой Грофинь донадыма- ет, что слушает музыку! Рядовой Кунурелли! Вы слушаете сообщения на Мостный Поиммакте по-русски?

— Так точно!
— Четы больше я вас не выжду! Волно! В ту ночь я не мог заснуть. Но прошла неделя — и ничего не случилось. Когда за мной пришла связная и сказала, что я должен явиться к надпоручнику Кунурелли, в шепелу я мой товари- щу Янеку Козу из Предмира:

— Ну вот. Если что, дай знать мне. На желе- знодорожном пути кан раз столя немецкий транс- порт, который отправляется на восточный фронт. Немецкий солдат, сидевший, раздвинув до пояса, на баллии Тарма, наигрывал на губной гармошке «Лия Марлен».

— Пан надпоручник, рядовой Грофинь по ваше- му приказанию прибыл!
Рядом с надпоручником Кунурелли стоял нахо- дящийся вонитый артиллерия.

— Вот он! — И Кунурелли показал на меня. И затем продолжал, и моему неопытному удивле- нию — Моему будите слушать и дальше. Но чего- то не записывать. Будете мне доказывать, где идут бой, какие потери несет немецкая сторона и какие успехи у Красной Армии. И еще я веду дневник, в котором фиксирую положение на фрон- те, хочу, чтобы он был точнее, поэтому я прому вас — закончил он совершенно спокойно.

Все о чем я уже догадывался. Продолжением мо- го подтвердилась — тогда вскоре Кунурелли отправил я любви за провинность на восточный фронт.

Он получил 11 месяцев и был разжалован в ряд- ового.
Я встретился с ним уже потом, в горах — Людо- вик Кунурелли командовал партизанским отрядом «Чапая».

По инициативе Коммунистической партии Слова- кии первые партизанские группы возникли уже в 1942 году. Среди них были группа коммуниста Павла Боршоа в восточной Словакии, группа Яне- ка Краля — в Малых Карпатях, Ситно — в Шван- цийских горах. Партизанское движение призвано было обеспечить всенародный характер восстания. Но Коммунистическая партия Словакии и Словацкий национальный совет понимали, как ве- лико значение армии, где тоже возникли группы сопротивления и рос отпор режиму Тисы.

Органом военной подготовки Словацкого национа- льного восстания стал весной 1944 года военный центр, подчиненный Словацкому национальному совету. Его командиром был подполковник Ян Голяш. Было решено послать в Москву делегацию, которой поручили установить связь с руковод- ством КПЧ и с представителями Красной Армии, чтобы план этой всенародной акции был согласо- ван со стратегическими и тактическими намере- ниями Красной Армии.

В Словацком национальном восстании получил яркое воплощение принцип интернациональной солидарности трудящихся многих стран, оккупиро- ванных нацистами. В партизанских отрядах в Бри- гадах сражались бок о бок, в братском союзе, представители около 30 национальностей.

Генерал-майор А. АСМОЛОВ

В последние числа июля 1944 года в Словакию начали прибывать первые чехословацко-советские десантные группы, и одновременно в Восточной Словакии появились советские партизанские отря-



ды из Польши. Они устанавливали связь с местны- ми партизанскими отрядами, нелегальными органи- зациями КПЧ и военными гарнизонами. Числен- ность их и активность стремительно росла. Вера можно было ожидать каждую минуту. Делегация Словацкого национального совета находилась еще в Москве. Военной командованием, освобожден- ному катастрофическим положением на восточ- ном фронте, особенно после поражения фашист- ских войск в Яско-Ижичинской операции и вос- стания в Румини, Словакия представляла важ- ный рубеж обороны, и потому фашисты реши- ли ее оккупировать 29 августа «с согласия» Тисы немецкие части вступили в Словакию.

Командующий военным центром, получив извест- ие об этом, провозгласил знаменитый лозунг «Начинайте переселение». То был сигнал к вступле- нию в вооруженную борьбу.

Восстание охватило территорию в 20 тысяч квад- ратных километров с более чем тридцатью окру- гами и населением 1 700 тысяч человек. Военный и политический центры восстания стала Банска- Бистрица. Здесь уже 1 октября в соответствии с декларацией Словацкий национальный совет взял в свои руки законодательную и исполнительную власть и выразил волю словацкого народа жить вместе с чешским народом в новой Чехословац- кой республике, решительно осудил гитлеровский клерикально-фашистский режим и провозгласил новые принципы внешнеполитической ориентации возрожденной республики...

Бои повстанческих военных и партизанских под- разделений начались без согласования с действо- вующей Красной Армией. Две восточнословацкие диви- зии словацкой армии, на которые возлагалась основная роль разрывания восстания задача — оторвать карпатские перевалы для наступающей Красной Армии, в результате слабой организации и колебаний многих офицеров были остановлены и разрушены, и только часть солдат удалось при- соединить к восстанию. Не выступили и такие важные гарнизоны, как Братиславский и нитрян- ский, что позволило врагу в течение нескольких дней занять практически всю западную Словакию. Через Яблунковский и Вларский перевалы насту- пали дивизии СССР «Татра», с юга Польша — группа Шэффера, с территории протектората — группа РККА Шилла, а позднее и другие. Немецкие войска превосходили повстанческого 1-ю чехосло- вацкую армию прежде всего в технике и боевом опыте. Поэтому неощущение значительных миле- тарских потерь, отсутствие достаточного количества советского оружия, а также перебриса из Советского Союза 2-й Чехословацкой десантной

БАЙСКА-БИСТРИЦА СЕГОДНЯ.

ЭТОЙ ЛИСТОВКЕ, ПРИЗЫВАЮЩЕЙ К БОРЬБЕ С ФАШИСТСКИМИ ОКУПАНТАМИ, — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ.

бригады и 1-го Чехословацкого авантюристического полка. Громадную помощь активно оказала также Восточно-Карпатская операция. После необычайно короткой подготовки она началась 8 сентября 1944 года, и начала ее 38-я армия 2-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника (ныне Маршал Советского Союза) К. С. Москаленко.

Зачинялся год. Началась зима, солдаты тайно воздвигались домики. Справедливо: они любили не отапливать. Снова проводили дни и приглушенные радиоприемники. Минуты эти и только вселяли надежду. Они помогали бороться. Когда Грибин Грибин рассказал пленному советскому солдату, работавшему у немцев на кухне, что Красная Армия уже под Сазган, на другой день немцы бегом бежали из дома.

В семье Грибиных издали весть от сына. Наконец получили ее. Первую и последнюю. Весть, который было страшно поверить: «Баи сын Штефан Грибин, партизан, погиб». Но поверить пришлось — фашисты похитились об этом. Немцы, который ходил к ним за молоком, словно незная сказал, что их, как семью партизана, идут пригнать в лагерь в реке. Они еще еще проводились им верить, но однажды вечером пришли немцы и убили Штефана Грибина-старшего. В здании нотариальной конторы в Рибине находился допрос.

Где находится ваш сын?

Он сказал, что сын — наемник, в Байской-Бистрице. Ударились слышали один за другим, пока он не начал, не в силах вынести боль. Тогда его обвинили в измене, задавали ему не вопрос и снова били. Началь его вышвырнули на улицу, побуждая, чтобы снова принудил к нему.

Через несколько дней они пришли с обмороком. Не только дом, но даже двор перевернули вверх дном. Потом его убили. Со всей округи их видели около семидесяти и на ночь заперли в казарме у дороги и Златан Моравицки. В гордом пленении два часа ждали перед окурными управлением, где немцы скармливали транспорт в Германия. Воню сразу же собрался люди, спрашивали, что будет с пленными, предлагали ему Штефан Грибин продать соседу свои продукты. Тут же подоспел немец и удирил его прикладом по плечу: «Иди сюда, партизанский солдат».

Штефан пробрался назад, в корчму, там замесился немецким. Штефан шел в партизанское деревне. В Венецие услышал по местному радио, что тот, кто его задержит, получит от фашистов вознаграждение.

Нан раз выпал сильный снег. Вместе с товарищами он решил пробраться до Новой Бане под партизанское, что идут расчищать дороги. В Бураже и тулурных доронных сторонах, с полатами немцев, только один шагали. Штефан шел к фронту. Дорога была совершенно пустынной, только следы их оставались для ответных следов. Вдур раздался треск, и поднатили два мотоцикла — четыре немца с орудиями.

Разрешение на вступление прифронтовой полосу.

Сначала не было. Сделав вид, что не понимают, они старательно разгребали на дороге снег. Их отпустили, но пошла вчетверых. Не в Новой Бане было несложно. Фронт был рядом. В Пучане они уже слышали грохот «катюш». Но дальше надо идти через мост над Гроном, с обаян

сторон которого — немецкая охрана. И тут из леса показался солдат, который вел за собой с десятком немцев. Он попросил помощи, ему провести немцев через мост.

Штефан перевел одного и позвал солдата, что ему, мол, надо отлучиться по «малой нужде». Он отбегал в чащу на другом берегу, потом бистро, как только мог, пошел вперед через мост, наконец, поднялся с земли — и нос и носу стояли у немцев, который стоил перед ним с винтовочной в руках. В ту минуту Штефан готов был его задушить. Но тут, видно, испугался еще больше и по-сплошному спрыгнул, дав тут немцам, потому что он от них скрывается. Грибин сказал ему и даже объяснил, куда безопаснее идти. Но страх его так и не прошел. Лишь убедившись через полчаса, что его никто не преследует, Штефан перевел дух.

В Бречах он переночевал у знакомого. Утром и того попустил в окоп. Восемь мучеников. Из них четверо русские! Остальные — прители Штефана, партизаны. Они рассказали им, как искали и наконец нашли его. Потом отвели его в Чайнов, и он послал немца наказ, чтобы брала детей и шла через горы.

Когда в тот раз за ним пришли гестаповцы, он сказал жене, что уедет завтра, но завтра, больше не придет. И вот... Наконец-то снова все были вместе.

Кроме Штефана. Сына...

Стратегический план борьбы против фашистской оккупации предусматривал развертывание военных действий на всей территории Чехословацкой республикой.

Осуществление его в непосредственной связи со Словацким национальным восстанием значительно повлияло бы на успешный исход вооруженного выступления словацкого народа. Но создатели боевого, способное к ведению действий руководство чехословацкого антифашистского фронта удалось лишь в августе 1944 года. Однако и без соответствующей организации народные массы в Чехии и Моравии бурно реагировали на грохочущее в Словакии вооруженное восстание и стремились оказать ему поддержку.

ПОТЕРИ, ПОНЕСЕННЫЕ ВРАГОМ: в течение сентября и октября в открытых боях повстанцы уничтожили шесть тысяч солдат гитлеровской армии и 60 военных транспортов. При отходе в горы партизаны вывели из строя 40 тысяч вражеских солдат и ликвидировали 200 транспортов.

ЖЕРТВЫ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ: 12 500 унтин солдат и партизан, 49 тысяч повстанцев, отгнанных в концлагерь, 60 полностью и 142 частично сожженных словацких села и деревни. При освобождении Словакии нанял 63 700 советских солдат.

Я попытается в этих коротких отрывках напомнить о славе духа и юности нашего народа. Я должен был ограничиться лишь несколькими строчками, хотя тема это широкая. О Словацком восстании написано много, но будет написано еще больше.

Потому что это незабываемый период новой словачьей истории.

По письму читателя меры приняты

Читатель А. Мошкин, уроженец села Старове, Владимирской области, в своем письме в журнал «Смена» рассказал о том, что в его родном поселке, насчитывающем 5 тысяч человек, нет хорошего водоема. Раньше, пишет тов. Мошкин, на реке Колокше, протекающей вдоль села, стояла мельница, в ней была многоводная, в ней куланили, ловили рыбу, катались на лодках, зимой — на коньках. Молодежь проводила соревнования по плаванию и гребле. Несколько лет назад мельницу разрушили, река обмелела.

В селе построены крупный завод по производству автомобильных деталей для КамАЗа. Построен железобетонный мост через Колокшу. Было бы приятно и мило жителям Мошкин, построить плотину около моста, выше спуска жидких заводских отходов, чтобы вода поднималась на 2—3 метра. Это восстановило бы природную красоту, создало хороший водоем, и прекратилась бы опасная заблачивание местностей.

Секретарь Владимирского обкома ВЛКСМ тов. В. Курганов сообщил в редакцию «Смены», что жерта во восстановлению водного режима в реке принимаются: ведно заводом АТО в поселке Старове и отделением института «Росгипрводхоз» в поселке РТС заказчика Дозоров на разработку проектной документации для строительства плотины в Старове. Строительство плотины будет осуществляться в 1975—1976 годах за счет завода.

«Смена» помогла

В редакцию журнала «Смена» обратилась с просьбой наша читательница комсомолка Наиля Мухамеджанова.

«То специальности в продавцов, в Шумку пришла работать полтора года назад. Все это время жила на квартире у одной бабушки. Ей скоро будет 70 лет.

Однажды я прочтала бабушке статью в «Смене» о Волгоградке, называлась она «Мамаше курган». Товарищ «Смена», прошу тебя помочь мне. Могу ли я с бабушкой побывать в Волгограде? У нее там остались муж и единственная дочь. Сын пропал без вести, муж погиб. Вечером она рассказывает мне, какие письма получала от них. Ей так хочется поехать в этот город!

Бабушка слыдела бы и одна, да она совсем не слышит. Ей нужно все своими глазами увидеть. И я хочу ей в этом помочь».

Из редакции мы позволили в Курганский обком комсомолка, прочтала письмо Наиля. И вскоре получили ответ. Через несколько сотрудничком обкома удалось установить, что Сайдулин Абдрахман Галиевич живет в селе Старове 1377, около поселка Цибанко, Волгоградской области. С помощью обкома Галифа Сайдулина вместе с Наилей совершили летом поездку в Волгоградскую область.



Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевел с французского
Ира СЕВЕРОВА.

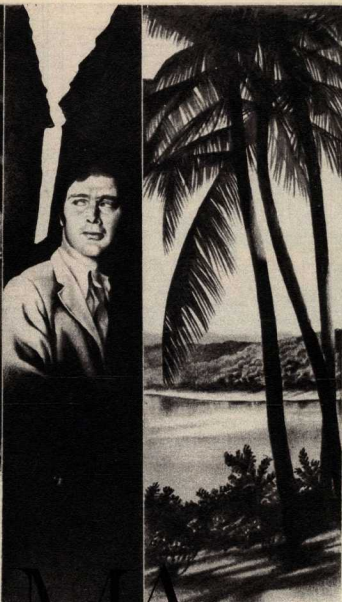
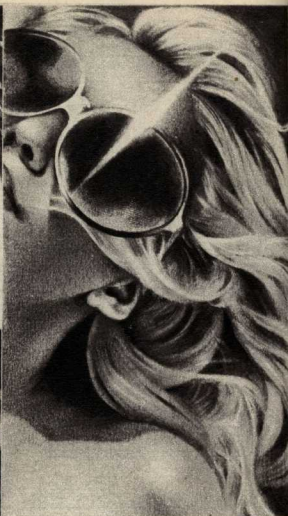


Рисунок Валерия КАРАСЕВА



В АВТОМОБИЛЕ

Впереполенном быстро, стены которого были украшены неводами и ракушками, я купила пачку сигарет «житан» и спички. Филипп за стойкой вылил кружку пива и съел сэндвич. Он молчал, даже не смотрел на меня, и спросил:

- Как ты добрался до Марселя?
- Не твоя забота.
- А где твой чемодан?
- Тоже не волнуйся.

Когда мы вышли, он обнял меня за плечи и приваля к себе. Мы пошли, прижавшись друг к другу, по тротуару, на котором валялись пустые ящики. От них далеко расходился запах водорослей. У Старого порта мы пересекли площадь. Проходя мимо какого-то ресторана, я в зеркальной витрине увидела, как там на мгновение промелькнул наш лица, мое белое платье, его пиджак на моих плечах, короче, мы оба, обнявшиеся, освещенные несомненными рекламными и тысяче километров от моей жизни. Да, правда, в тысяче километров, и

это показалось мне тогда гораздо более нереальным, чем все остальное, чем вся история с трудом.

Когда мы вышли на улицу Каневер, на нас стали оглаживаться прохожие. Я спросила Филиппа, куда мы идем.

К машине. Нужно узнать, что этот тип. Нужно еще раз посмотреть на него.

— Не надо, прошу тебя, у меня не хватит большого духу.

— А у меня хватит.

Мы подошли к «тендерберду», который я оставила на стоянке среди доброй сотни других машин, и несколько минут неподвижно стояли рядом. Я вынула из сумочки ключи и протянула Филиппу, но он не взял их. Мимо нас, жестко изгибаясь, прошла ветка подростка, потом, озабоченно шевеля губами и поныряв голову, одиноко пробрела какая-то женщина в измятом платье. Филипп велел мне сесть за руль: нужно найти более укромное место и там раскрыть багажник.

Мы поехали по набережной Рив-Нев, повторяя тот путь, что перед этим прошли пешком. Когда я повернула на улицу, которая, пересекая город, карабкалась вверх, он вдруг сказал:

— Знаешь, Дани, у нас, кажется, есть способ

выпутаться. Если тебе подсували этого типа по дороге, то никто о нем не знает, кроме той смалячки, которая это сделала. Тебя с ним ничто не связывает. В таком случае мы поступим так же. Выбросим где-нибудь этот подарочек и забудем о нем. И нас это не касается.

Я свернула на одну улицу, потом на другую, все еще продолжая лезть вверх. Затем Филипп велел мне съехать по дороге с каменной оградой, ведущей на Руа-Блан. Здесь мы не встретили ни машины, ни прохожих, и улочка была настолько крутая и узкая, что в одном месте мне пришлось остановиться и поворачивать в несколько приемов. Большой рукой и с трудом крутила руль, и Филипп помог мне. Когда мы поднялись еще выше, в пролет между двумя обступившимися стенами я увидела сверкающий огнями город — он лежал внизу, Адам моря.

Положив руку мне на колени, Филипп дал знак остановиться. Дом номер семьдесят восемь. Я запомнила его потому, что этим номером в привате было помечено мое белье. В темном дворе виднелся новый дом. Прислушавшись, мы немного переждали, потом, пригласив мотор, встали в ворота. Фары машины осветили блестящие двери гаражей, выстроившихся в ряд, листву деревьев, лестницу. Одна машина стояла прямо во дворе. Я поставила свою поодаль, выключила мотор и выехала. Двор был тихий, но узкий, и я с тремолом подумала, что если нам почему-либо придется спастись отсюда бегством, я не смогу быстро развернуться.

Я отдала Филиппу его пиджак, и мы вышли из машины. Несколько оком над нашей машиной были освещены, за одним из них, занавешенным шторой, угадывался голубоватый свет телевизора. Я раскрыла багажник и тут же отпрянула, даже не взглянув на него. Чуждавшийся запах ударил мне в нос, и я была в каком-то полуобморочном состоянии, когда услышала, что Филипп просит дать ему платок. Он задымился, лицо его искажилось, сразу стало каким-то старым, застывшимся и чуждым. Наши взгляды встретились — я никогда не забуду, какой ужас и прощала в его глазах.

Я слышала, как совсем рядом он ворочал труп. В отчаянии я усталилась взглядам в ворота, и это было совсем не потому, что я боялась, как бы кто-нибудь не появился. Я даже не думала об этом. Вдруг Филипп прошептал:

— Посмотри, Дани.

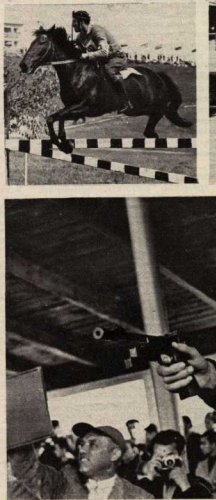
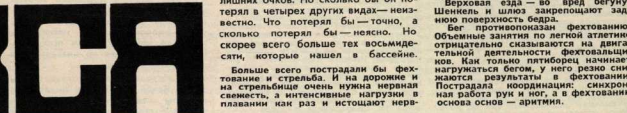
Он показал мне ружье, длинное ружье с черным стволком.

— На прикладе инициалы.

Продолжение. Начало в №№ 11 — 15.

ну я рассказываю и легенду про офицера, с которого, говорят, началось современное пятиборье. Ее сотня раз рассказывали, и она уже успела забыться.

В течение четырнадцати лет был я пятиборцем. За эти годы не произошло обидно массовых соревнований, участвовал во всех первенствах мира, в которых участвовали советские пятиборцы, выступал на четырех Олимпиадах. Поэтому, думаю, имею я право познакомиться с жюми пятиборья читателя, которых коржат в основном легендой про офицера да споры о современности современного пятиборья.



Не встречался мне человек более аккуратный, предусмотрительный и хозяйственный, чем Татаринев. Был он умельцем — по сапожному делу и по портняжескому. Те ребята, которые из-за неумения или лени сами себя плохо делали не утруждались, шли на помощь Татариневу. Будто бы и не просили — просто маловероятно: «Понимаешь, Юля, никто не может шпильки отсмонтировать...» А Татаринев и для такого откровенного признания его мастерства, только поворачивает для виду: «Что же ты, варенка, сам не можешь сделать? Делай сюда...»

Так вот возил Татаринев с собой огромнейший чемодан, в котором было все, без чего мог бы обойтись любой пятиборец, но только не Татаринев. Оанке запястель и пистолетку в чемодане было столько, что из них, по словам Татаринева, можно было собрать еще два-три.

По необходимости берет с собой уйма вещей пятиборца. Предусмотрительность и дотошность заставляла Татаринева удалять багаж. А вот нас, пятиборцев сборной СССР, которые отправлялись на первый свой турнир, вынуждено брать массу ненужных вещей: несовременность, неопытность. Мы валили с собой, к примеру, электротренинаторы, которые нам не понадобились: электротренинаторы всегда обеспечивали донора. Ненужны эти вещи мы предусмотрительно отправили на досках лодки раньше, чем выехали сами. Потому что собственные поминки каждому из нас с трудом вместились в три чемодана.

Вот и подошла черед рассказать о том, что собой представляет пятиборье. Каждый кулик хвалит свое болото. Но вы не бойтесь, я не стану доказывать, что нет в природе второго такого расчудячного вида спорта. Зря пятиборье расхваливать в вообще не буду, но за что стоит похвалить — покажу. А стоит его на все лады расхваливать за одно только — за то, что разнообразие развивает оно человека. Таким, вкратце, должно было стать пятиборье по замыслу Нубергена, таким оно и получилось. И в этом отношении с ним действительно ни один вид спорта не сравнится.

Что ответить человек, который никогда пятиборья не занимался, на вопрос о том, что в пятиборье труднее всего, какова его, пятиборья, специфика? Да, скажет он наверняка, что там трудно пятиборье, что здесь пятью видами спорта заниматься надо. Ну что ж, правильный ответ. Но не исчерпывающий. Есть и еще одна трудность, которую надо преодолеть человеку, поднимающему и пятиборье.

Как-то в бассейне беседовали два тренера. Один из них работал с пловцами, другой — с пятиборцами. Тут же пятиборцы тренировались — плавали. Вот тренер по плаванию и говорит: «Он, гворюишь, у тебя за три пятдесят плывет! Да я беруся за него, дело, от силы две, с б р о с и т ь! У него десять секунд! Сколько у вас стоит секунды? Девять очков! Ну, вот и хорошо: через две недели у этого парня сумма по пяти видам увеличится на восемьдесят очков!»

А тренер по пятиборью вместо того, чтобы обрадоваться, только усмехнулся в ответ. Что проплывает его

ученик лучше, в это он поверил. А в том, что сумма по пяти видам увеличится на три восемьдесят очков, усомнился. Сумма-то скорее всего не увеличилась бы, а уменьшилась. У пятиборья своя арифметика.

Для того, чтобы плыть на десять секунд быстрее, надо было бы поработать изрядно. Поработал бы пятиборец, заработал бы восемьдесят лишних очков. Но сколько бы он потерял в четырех других видах — неизвестно. Что потерял бы — точно, а сколько потерял бы — неясно. Но скорее всего больше тех восьмидесяти, которые нашел в бассейне.

Больше всего пострадали бы фехтовальники и стрелки. И на дорожке и на стрельбище очень нужна нервная смежность, а интенсивные нагрузки в плавании как раз и истощают нерв-

ную систему. Коль, тот тоже пострадал бы. В вельшью, правда, степени, но пострадал бы. Юннин — это реакция и тонкое чутье, которые большими нагрузками убиваются.

Главная специфика пятиборья в том и заключается, что в один вид спорта объединены пять, каждый из которых мешает четверем другим. Пятиборье — пять видов-антагонистов.

Плавание мешает верховой езде. Плохую нагрузку подвижные и расслабленные голенистоны, конину — полностью задропощенная. Верховая езда — во вред бегуну. Шенель и шлюз задропощают заднюю поверхность бедра. Бег противопоказан фехтованию. Обильные занятия по легкой атлетике отрицательно сказываются на двигательной деятельности фехтовальщиков. Ван только пятиборец начнет нагружаться бегом, у него резко снижаются результаты в фехтовании. Пострадала координация: синхронная работа рук и ног, а в фехтовании основа основ — ритмика.



«Даньдас заргорес дом. В нем никого не было, только в будке у веранды была привязана собака. Начал звониться канистры с бензином. Опять подступал к будке... Мне было очень страшно, даже сейчас не могу предстать, что эта собачка могла сделать. У нее были такие грустные и испуганные глаза. Не помню — как, но я ее спасла...»

«Есть в метро. Какой-то парень начал усаживать пассажиров. Я подняла его встать. Он ухмылялся. Пришлось поднять силой и вытолкнуть из вагона... Это эпизод, напомнил мне ситуацию из зарубежного фильма «Инцидент», который шел на нашем экране. Там мужчина бросившись, терроризирует пассажиров вагона в метро, издевается над стариками, пугает детей. Здесь скопилось в месте действия, но отнюдь не проявляя жестокости, жестоко расправился. Улетевший мажорский человек — мало самостоятельный и решительный, как многие взрослые люди «этарнального» вагона.

Сравнение всегда хромает. И все же вспоминаю еще одно свидетельство: оно принадлежит учителю физики из Нью-Йорка Эса Кауфман, написавшему несколько лет назад повесть о комом, именуемую у нас шумный успех... «Вверх по воздушной нити асцениции. Недавно она вернулась в школу и урчащих поездам, провалившись здесь. Рассказала о внутреннем опустошении и унынии, жаривших в духе учеников, она приводит такую деталь: «...на доске краснела надпись: «Кончик тигра — сегодня, ровно в 5.30. Интересно, что пишут они на классных досках в других школах в других городах».

Написав я тоже не ведал, а в ответах на свои вопросы прочитал, к примеру, такие мысли: «Не хочу, чтоб на нашей земле была война — страшная война». «Другие говорят, что война — это достойно прожить жизнь, если посадишь дерево. Вот и я хочу быть полезным людям — посадить свое дерево, но каким оно будет — еще не знаю, я бы научился сделать друзей, правду в труду, других людей, которые бы заставляли заходить в паголок: на все время запретила бы войны и споры между людьми».

Нигде не находим упоминаний слов «поколение», «революция», «деспотизм», «апокалипсис», «рекет» Биа Кауфман (автором всего повествования). Повесили в жизни, эти молодые люди оказались на разных полюсах зрелости: один живет оптимичным концом мира, другие — предчувствием начала злого мира, в которую они входят во всеоружии знания и навыков.

Кстати, о навыках. В аттестате нет такого предмета. Но вот лишь один из традиций воспитания: «...в том, что касается способности развить в ребятах навыки: я бы научился плавать, слесарить, выполнять мелкие токарные работы, чеканить по латуни и меди, готовить обеды, стирать и мыть пол, окотиться (убра 5 записки) и ловить рыбу, слышать усталость, заправлять и насти лавасей, водить машину и мотоцикл...» Конечно, здесь сделано известное коммюнике: готовить обеды и стирать автор отговаривается дома, а насти лавасей — в деревне. Однако школа закрепляет эти навыки — в туристических походах, на летней трудовой практике. Как бы там ни было, поводам эти новоявленные Робинзон с аттестатом зрелости на необитаемом острове, ему, наверное, не поважались бы Питица...

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ

В этом парадоксальном на первый взгляд определении заложена характеристика, которую в полной мере можно отнести к ребятам из десятиго «Е». В своем кино, стихийно испорченным самоутверждением они творят парадоксы. Однако первоначально все человеческий опыт. Дети века, на уроках физики изучающие явления распада и полураспада атомных ядер, они спешатся относиться к той дымчатости, тем горючим запискам. А в годы дымчатости — материальные ценности, в которые поверили. У них есть вера в добро, красоту, в значительность труда, который приносит пользу людям. Важнейшими качествами человека они называют

честность, гуманность, бескорыстие, самопожертвование. Презирают эгоизм, трусость, подлость. У этих ребят — неосознанный максимализм. Дети этого века расплачиваются, но в конечном счете выисываются в контуры идеалов нашего общества.

На вопрос о том, есть ли в их жизни люди, которым хочется быть полезными, большинство ребят отводит отрицательные, комично называя родственников (тот — мать, дядя, сестра, бабушка, дедушка) (трое — учителя, двое — литературные персонажи). Нигилизм свойствен большинству. Однако в том-то и состоит особенность воспитания и воспитания. Петельте, кто исповедовал, иногда без отведания, симулирует отчаяние лезть из юного существа Человека. Да, сегодня десятиклассники, продолжая самутверждение себя, делают это своеобразным образом — самоощущают от физических и моральных перегрузок космического века, скажет, что он не подержит поисторному величью. Но пройдет несколько времени, и он найдет учителям свой немолодой формулировку: «...необходимо воспитание ученика, которому, который поступил в военное училище: «Честно говоря, я только тут понял, что у нас профессия героическая. Да-да, героическая. Как только у вас хватило сил уехать нас?»

Готовясь к экзаменам романтическим образом (в некоторых отчетах нет-нет и проколывает тоска «розового лета»), десятиклассники в то же время очень трезво и в чем-то расхолабленно формулируют свои болевые жизненные цели и желания: «Хотели бы мы повторить жизненный путь своих родителей» — спросил я ребят. «Личь единично, не любящая, написали сам». Вот инициатива, от которой отшатнулся автор. Жизнь по-своему, но прожить не бездельно. Своереальной формой вежливости и все той же подростковой неопределенности. А это больше откровенная мотворка: «...не хотели бы повторить путь своих родителей, потому что этот тернистый путь авиации и испытаний, которые мы пришлось пережить». Есть в этой жизненной позиции и еще больше активное, нравственно-высокое начало: «Жизнь родителей авиации и авиации — это путь, который прошел четыре класса. Они не смогли выучиться, но приносит пользу людям, они трудятся! Я доучусь за них и сделаю все, чего не смогли сделать они».

Наконец, есть сфера, в которой скелетов нет. Инициатива и предельная ответственность, проявляющаяся под натиском истинных чувств, — это область личных отношений. Рассказывая о своих людях, десятиклассники не скрывают на деле, что в них есть нечто большее, чем конкретный смысл. Духовно и тоньше это у каждого. В основном это школьные товарищи, в трех случаях лучшим другом называли маму. Пожалуй, именно в этих отчетах спонтанно выдвигается конкретный смысл. Духовно и тоньше это у каждого. В основном это школьные товарищи, в трех случаях лучшим другом называли маму. Пожалуй, именно в этих отчетах спонтанно выдвигается конкретный смысл. Духовно и тоньше это у каждого.

В основном это школьные товарищи, в трех случаях лучшим другом называли маму. Пожалуй, именно в этих отчетах спонтанно выдвигается конкретный смысл. Духовно и тоньше это у каждого. В основном это школьные товарищи, в трех случаях лучшим другом называли маму. Пожалуй, именно в этих отчетах спонтанно выдвигается конкретный смысл. Духовно и тоньше это у каждого.

МИР ВУТРИ КАЖДОГО

Сказано: «О вкусах не спорят». Я бы не был на вечерке и диспуте десятого «Е», но ответы ребят на вопросы о литературе и искусстве, о любимых занятиях и увлечениях — это спор, в котором они неспешно и твердо. И в то же время очень похожи.

Назвать любимым вид искусства, 15 человек поставили на первое место кино, 8 — театр, 6 — музыка, 2 — изобразительное искусство — фотографирование. В кинотеатры они предпочитают смотреть фильмы о своих сверстниках, потому что это сейчас их больше всего волнует. И, помимо прочего, чаще других в кинотеатрах они приходят на спектакли оперы Джозефа Дзеффелли «Ромео и Джульетта». Вот они — стремление к вечному идеалу...

Однако кинотеатр в яном другом пердтращивании — это не только искусство, но и искусство на самотек. В этом течения уже несутся по фатерату детективы, приключенческие фильмы, фантастические романы, а серьезные кинематограф робко жметс в бергем.

Десятый «Е» — класс музыкальный. Многие играют на фортепиано, гитаре, баяне, пиано. В большинстве случаев это симфонический ансамбль, созданный специально между оркестром, симфонической и эстрадной музыкой. Среди любимых композиторов называют Баха, Бетховена, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича. Малышки любят джаз, девочки — блюз.

Но, пожалуй, наибольшей нестрога вкусов — в литературных привязанностях. Читает много. «Читай много. Однако если в кино их вкусы практически полностью совпадают, то в литературе они различны: большинство ребят предпочитают классику, а некоторые — фантастику. Это объяснимо: школьная программа выбирает модель читающего человека, перед которой — бездна литературного материала. Захватывая ширину, он нередко не успевает углубиться в изучение. И отсюда — «программное» чтение находит в книгах «аэстетик» — опать-таки в приключенческой литературе (двое любимых писателей назвали Фенimore Куэпер), в научной фантастике (у нас три приверженца в десете «Е»).

Они любят русскую и зарубежную классику — Льва Толстого, Лермонтова, Чехова, Горького, Шекспира, Байзакка, Драйзера. Знают и почитают современную литературу — Шолохова, Алексеев Гостышевский и Гюльсера. Знают и почитают Ремарка. Однако упомянутая запрограммированность оставила проблемы — нет, не в образовании, но в понимании литературы. Привыкнув, да мне было неосознанно распространение «привычки» Бендера, Натана Ростова, Татьяны Лавры. Пестрая компания. Однако трудно вернее предположить, что Бендер — образцы для подражания в глазах наших ребят. Именно поэтому (заметьте, что ему отдают симпатии не только юноши, но и девушки). Но вот нравится он им — и все тут. Что ж, в чем-то и правда симпатичен «вояцкий» комбинатор. Тем не менее думаю, что и эту традицию классикам в разряде в непрограммном чтении. Смело предположить: пока что они прошли мимо Пушкина и Тургенева, Некрасова и Маяковского. Скажем, Пушкина они считают дедушкой, Маяковского — дядюшкой. И это еще не поставляет всю генуальную внутреннюю сложность и мудрость этой внешней простоты и доступности. Именно этим можно объяснить тот факт, что во выпусках классиков в десятом классе в основном читают 32 главы тома «Восход Радничева воссания и свободу (воплощенная лирика Пушкина)», как наиболее легкую, а с их точки зрения. А выбрали, писали в сочинениях, апроприировали, а проповедовали. И это — традиция, которая рождает и нара, за освобождение крестьян и равноправие всех людей.

Тек что в одних случаях прощам мимо, а в других — еще не пойдены. Не пойдены к Достоевскому, Ахматовой, Гоголю, Толстому, Шолохову, классикам можно только позавидовать.

Коллективный портрет десятого класса «Е» был бы неполным, если не сказать о повальном увлечении ребят спортом: легкой атлетикой, плаванием, теннисом, хоккеем, волейболом, настольным теннисом, докеем и футболом — да есть ли вид спорта, которым так или иначе не занимался хотя бы один человек в классе? Государство, школа, родители предоставляют им в этом полные возможности.

САМЫЙ БОЛЬНОЙ ВОПРОС

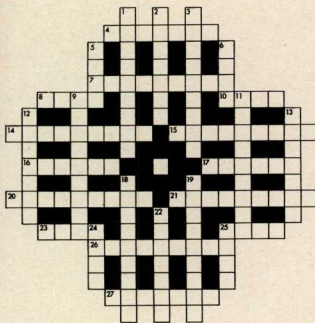
Ком вездь Навосадек оставлен вопрос, который гмах десятиклассники занима в первую очередь. Однако у нас с ними была договоренность: встретиться через две и посмотреть, какими были их первые самостоятельные шаги по жизни. А пока что в порядке подготовки к этому разговору ребята к будущей встрече рассказку об их устремлениях и планах.

Как уже было сказано, большинство в классе составляют девушки. Конечно, поэтому 17 человек любимых профессий назвали преподавание гуманитарных наук, 12 — точные, 2 — рисование, 1 — физкультуру. В соответствии с этим строятся и дальние планы. Здесь важно отметить, что 27 человек намерены поступить в высшие учебные заведения, 12 — в институты, 10 — в вузы, 6 — в канике. Двое слышатся свою службу с армией, трое хотят сразу пойти работать, а учиться не хотят. Среди вузов названы: педагогические институты, институты иностранных языков, институты дважды, экономический институт — дважды, по разу — медицинский и полиграфический институты, театральное училище.

Итак, перед нами тридцать два человека, которые стоят на пороге своей судьбы. Слегка мы посмотрели на них их собственными глазами.

КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕЕВСКИЙ, г. Москва



По горизонтали:

4. Заслуженный работник.
7. Вид металлургической печи.
8. Столица союзной республики.
10. Элементарный газ.
14. Химик, академик, Герой Социалистического Труда.
15. Народное хозяйство страны, его отрасли.
16. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище.
17. Награда за достижения на производстве, в науке.
20. Специалист, контролируемый определенный вид деятельности.
21. Одна из фаз спутника Земли.
23. Музыкальное произведение в четком ритме.
25. Радиоактивный химический элемент.
26. Угол, измеряющий видимость небесного светила.
27. Специалист в одной из отраслей сельского хозяйства.

По вертикали:

1. Русский ритмик, революционный демонстрат.
2. Особая горная порода, применяемая для изготовления цемента.
3. Форма реализации сельскохозяйственной продукции в СССР.
5. Кормовое бобовое растение.
6. Выборный руководящий орган.
9. Прибор для измерения угла между гранями кристаллов.
11. Воздушный винт.
12. Лесосекая работа.
13. Русский композитор и пианист.
18. Подземная внутрикочевая дорога.
19. Электромагнитный аппарат для переключения электрических цепей.
22. Озеро в Венгрии.
24. Комнатная собачка.
25. Город в Чехословакии.

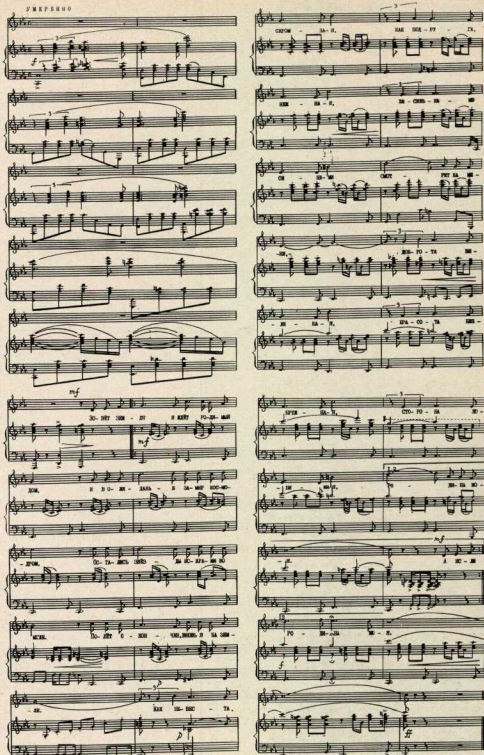
**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 15**

По горизонтали:

1. Висла.
4. «Колобок».
6. Металлодар.
8. Назария.
9. Алябьева.
12. Валерия.
14. Нотариус.
17. Аристон.
19. Казеина.
20. «Авобит».
21. Глаголица.
22. Некамова.
24. Смирнов.
25. Барбабит.
27. Аристонус.
28. Лесопарк.
29. Итолок.
31. Гурчина.
32. Авростатина.
33. Волоно.
34. Катва.

По вертикали:

2. «Ноланта».
3. Збедина.
4. Катарина.
5. Курчатов.
6. Мазурика.
7. Инагара.
8. Каледонская.
10. Агитбригада.
11. Диногонья.
12. Валда.
13. Арамис.
14. Номинал.
15. Сальцин.
16. Узеиш.
18. Отава.
23. Ариетта.
24. Сирина.
25. Вуглеров.
26. Нейтринно.
30. Косина.
31. Гладок.



ЗОВЕТ ЗЕМЛЯ

Слова Андрея ДЕМЕТЬЕВА и Давида УСМАНОВА

Музыка Евгения МАРТЫНОВА

Зовет Земля, и ждет родимый дом,
И в ожиданье замер космодром.
Остались звезды искривы во мгле.
Поет окончив, вновь я на Земле.

Припев: Как невеста скромная,
Как подруга нежная,
Васильками синими
Сморгит на меня
Доброта великая,
Красота безбрежная,
Страна любимая,
Родина моя.

А если ветер тучи принесет
И потемнеет светлый небосвод,
Я подарю тебе сиянье дня,
Страна моя, надежда на меня.

Припев.

Я помечтал хочу друзьями своим!
Пусть наше небо будет голубым.
Мы вновь споем в кабине корабля —
Цветы всегда, любимая Земля!

Припев.

ПОСЛЕДНЯЯ РАДУГА

Со стр. 21.

художника-прикладника он заветел
узнать... четвертую — мезозой-
скую — эру истории Земли. Его при-
влекла возможность работать, полага-
ясь в основном лишь на свою фанта-
зию. Сначала в карандаше, затем в
многочисленных эскизах, выполненных
гуашью и акварелью, наконец, в цвет-
ной дугот стекле рождальсь дико-
виные динозавры, птерозавры, пте-
роптеры, безымянные птицы и пре-
симлюющиеся, живущие среди невидан-
ных, фантастических растений. Эти
передвижные декоративные компози-
ции, постоянно меняющие свой цвет в
зависимости от освещения, ракурсов
и рефлексов, представляют собой
удивительный мир, условно-декора-
тивный и таинственно-загадочный...
Трудно предсказать очередное на-
правление поисков художника. Но, по
какой бы дороге он ни пошел, это
всегда будет путь к себе, к раскры-
тию своей индивидуальности. И ясно-
но не сомневаться, что на этом пути
Бориса Четкова ждут новые интерес-
ные находки.

